

Προτοиерей Феодор Зисис,
профессор Фессалоникского университета им. Аристотеля

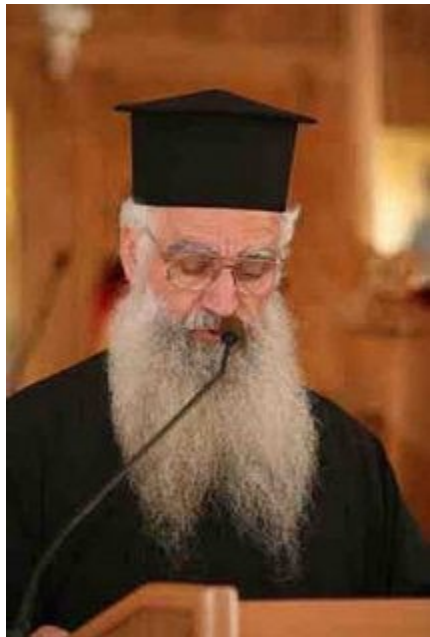
Благое непослушание или худое послушание?

Πρωτοπρεσβύτερος Θεόδωρος Ζήσης
Κακή ύπακοή καί άυία άνυπακοή

Θεσσαλονίκη, 2006. Перевод с греческого. – Москва: Святая Гора, 2009.

Протоиерей Феодор Зисис, профессор богословского факультета Фессалоникского университета имени Аристотеля (ФУА)[1], родился в 1941 году на острове Тасос[2] в селении Панагия, в семье священника.

В 1965 году он окончил богословский факультет Фессалоникского университета и как лучший выпускник был зачислен на юридический факультет ФУА, но прервал своё обучение в связи с началом преподавательской деятельности на богословском факультете ФУА.

Аспирантуру окончил также в Салониках, на кафедре исторического богословия, под руководством известного патролога П. Христу[3]. В 1971 году за диссертацию «Человек и Вселенная в домостроительства Божиим по учению святителя Иоанна Златоуста» ему была присвоена докторская степень, а в 1973 году за исследование «Искусство девства. Святые отцы Церкви в защиту безбрачия» его назначили доцентом богословского факультета ФУА.

В 1972–1973 и 1979–1980 годах отец Феодор находился на повышении квалификации в Западной Германии (г. Бонн).

Представив на кафедру вместе с другими публикациями большую монографию «Геннадий II Схоларий. Житие – Писания – Учение»[4], в 1980 году он был избран штатным преподавателем патрологии. В 1982 году, после разделения богословского факультета ФУА на два отделения, перешёл на отделение пастырского и социального богословия, где в настоящее время и преподаёт. Дважды был деканом этого отделения.

Сразу после основания патриаршего Института патриотических исследований при монастыре Владавов[5], отец Феодор стал его научным сотрудником, затем выполнял обязанности директора Института (1977–1986), а также редактора и учёного секретаря (1968–1970) журнала «Наследие», издаваемого патриаршим Институтном.

В 1970 году стал научным сотрудником Центра византийских исследований ФУА, затем заведующим отделом богословия (1988-1998), а впоследствии – директором самого Центра (1991–1995). Отец Феодор – член редакционной коллегии журнала «Византийское наследие» и других изданий Центра. В течение ряда лет был председателем Союза богословов Северной Греции и издавал журнал Союза «Богослов». Неоднократно был организатором и активным участником различных международных научных конференций.

Протоиерей Феодор Зисис – клирик Вселенской патриархии[6]. В декабре 1990 года был рукоположен во диакона, а в марте 1991 года – в сан пресвитера в монастыре святой Анастасии Узорешительницы[7] и проходил в нём

пастырское служение до начала 1993 года. С апреля 1993 года и по сей день, с утверждения соответствующих официальных церковных властей, служит в храме преподобного Антония Великого в Салониках[8], оставаясь в юрисдикции Константинопольской Церкви.

Неоднократно представлял Вселенскую патриархию[9] и Элладскую Церковь[10] на межхристианских встречах, принимая участие в диалогах православных как со старокатоликами, так и с католиками; также участвовал в межправославных встречах по подготовке Святого и Великого Собора Православной Церкви. За суровую критику оправдания унии и церковно неприемлемых документов, подписанных в 1993 году в местечке Баламанд[11], Константинопольская патриархия запретила ему участвовать в диалогах с католиками.

В 1998 году вместе с единомышленниками основал Общество православного просвещения. В настоящее время он руководит изданием богословского альманаха Общества «Жизнь по заповедям», который, несмотря на все проблемы и трудности, с помощью Божией выходит каждые три месяца вот уже семь лет.

Поддерживая поначалу хорошие отношения с архиепископом Афинским Христодулом[12] (в его бытность ещё митрополитом Димитриадским[13]), отец Феодор пришел к острому противостоянию с ним, в особенности с 2001 года – со времени подготовки и осуществления визита покойного папы Иоанна Павла II в Афины. Протоиерей Феодор считает, что руководимая блаженнейшим Христодулом Элладская Церковь, вследствие продолжающихся тесных контактов с ВСЦ[14] и с представителями других религий, сбилась с верной стези, указанной апостолами и святыми отцами, и идет по пути межрелигиозного и межхристианского синкретизма[15], по пути всеереси экуменизма.

В связи с непримиримой позицией протоиерея Феодора по этому вопросу, а также из-за его открытой критики экуменических контактов и вообще нравственного упадка и обмирщения епископата, в июне 2005 года на него было наложено прещение – запрет в священнослужении. Однако возмущение по этому поводу церковной полноты и горячая поддержка многих клириков способствовали тому, что в сентябре 2005 года прещение было снято.

Отец Феодор владеет немецким и французским языками. За свою плодотворную жизнь он опубликовал большое число исследований, монографий, статей, посвященных богословским и историческим темам и различным проблемам общественной и церковной жизни.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

В 2005 году Элладская Церковь пережила серьезный кризис: разоблачения в отношении некоторых архиереев и скандалы, в которых они были замешаны, затронули не только её саму, но имели пагубные последствия и для древнейшей, первой по старшинству, Иерусалимской Церкви. Всё это пошатнуло доверие верующих к духовным лицам и наполнило ядовитыми стрелами колчаны врагов Церкви.

К сожалению, священноначалие было не в силах противостоять кризису, поскольку полностью дискредитировало себя. Большинство же архипастырей пребывали в страхе и нерешительности, не дерзая предпринять какие-либо шаги по преодолению кризисной ситуации. Один серьёзный и рассудительный владыка объяснял своё бездействие (равно как и других иерархов) боязнью различных нападков со стороны тех, кто привёл Церковь к такому плачевному состоянию.

Что же касается приходского духовенства, состоящего в основном из женатых клириков, то оно, глубоко обеспокоенное уничтожением священного сана недостойными пастырями, не смело высказывать своего мнения о сложившемся положении **страха ради архиерейска**. Малодушные служители Христовы оправдывали свою безучастность послушанием епископам.

Однако в данной ситуации довод этот был совершенно неуместен и даже неприемлем, поскольку сковывал всякое желание противиться злу и предательски усыплял совесть. Ведь в то время когда попирается Евангелие и отвергается истина, безмолвствию и бездействию нет оправдания, ибо, воистину, молчанием предаётся Бог. Поэтому Писание и говорит о том, что есть *«время молчать, и время говорить»* (Еккл. 3, 7). И судя по сложившемуся в то время положению, тогда настал именно тот час, когда следовало не молчать, но говорить. Посему мы и стали выступать, анализировать, предлагать выход из кризиса.

Подобное дерзновение имело вполне предсказуемые последствия: архиепископ Христодул подверг нас прещению, запретив в служении. Тем самым было совершено неканоничное деяние, поскольку подобные действия в отношении клирика, находящегося в юрисдикции другой Церкви (в данном случае Константинопольской), не входили в сферу церковной компетенции предстоятеля Элладской Церкви, и посему мы никоим образом не могли подлежать его суду. Безусловно, владыка делал это не без молчаливого согласия самого Вселенского патриарха, которому также не по душе православное слово, согласное с Преданием...

Сложно оправдать то, что не имеет никакого оправдания. Посему и тот факт, что те лица, которые погрузили Церковь в пучину скандалов, до сих пор не наказаны, вызывает праведное возмущение и, отчасти, недоумение. Ведь и по сей день к ответу не призваны виновные, явившиеся прямым источником соблазна или же в силу своего безмолвствования и бездействия сопричастные скандалам, – а это, главным образом, само священноначалие. Зато с лёгкостью были наказаны те, кто, указывая на ужасающее положение дел в Церкви, призывал к пробуждению, к тому, чтобы виновные в скандалах или замешанные в них, взяли на себя ответственность за происходящее. Но, милостью Божией и благодаря горячей поддержке многих наших братьев во Христе, ближних и дальних, мы выстояли и не изменили своим позициям.

Малым плодом сей неустанной борьбы за чистоту Православия явилась эта небольшая брошюра, освящающая тонкую и болезненную для многих тему подлинного послушания – того послушания, о котором учат святые отцы, но которое, к сожалению, до сих пор у нас пренебрегаемо и малоизвестно. А если

передать полному забвению учение об истинном послушании, то восторжествуют лжеучители и лжепастыри, которые поведут паству неверным путём, увлекая её за собой в пропасть вечной гибели.

Июнь 2006

Протоиерей Феодор Зисис

Глава 1

ВСЛЕД ЗА ЭКУМЕНИЗМОМ ПРИШЕЛ ГОМОСЕКСУАЛИЗМ

Объективно оценивая положение, в котором оказалась сегодня Церковь, следует признать, что она сильно уклонилась от Предания, участвуя в еретическом экуменическом движении[16]. Следствием чего стали и другие отклонения. Так, в церковной среде наблюдается стремительное падение нравов, многие клирики совершенно оставляют евангельский и святоотеческий

образ жизни, а немалая часть епископата окружила себя роскошью, зачастую превосходя в этом даже светских персон.

Всё это, безусловно, результат охлаждения веры. Впрочем, нынешние тесные контакты Церкви с католиками, почести и приём, оказанные папе Римскому в Греции[17] и в других православных странах[18], вероятно, также дают основания к принятию многими священнослужителями светского образа жизни католического клира и оправдывают полное услаждений и совершенно лишённое евангельских и святоотеческих идеалов «житие» некоторых наших современных пастырей и архипастырей.

Ещё недавно мы писали, что понтифик приехал в Грецию и остался. Нет, он всё же уехал. Но, покидая Грецию, оставил нам великое множество «пап», разных по величине и достоинству, повсюду насаждающих католическое обмирщение.

В особенности же пугает проникновение в церковную ограду страшнейшего содомского греха – гомосексуализма. Такого рода скандалы, связанные с именами некоторых иерархов, на протяжении многих лет оставленные без должного внимания и рассмотрения, без какого бы то ни было духовного врачевания, порочат честное пресвитерство и вызывают недоверие к слову Церкви. Кто же нам, пастырям, станет теперь верить, когда мы будем говорить о скромности, нестяжательстве, о презрении ко всему мирскому и земному, об аскезе, воздержании и девстве?

Впрочем, большинство клириков и так уже давно перестали говорить об этом, ибо сами во всё это не верят. Иные же на словах лицемерно выставляют себя добродетельными, но дела их свидетельствуют о противном.

Страшный Божий гнев излился на содомитов из-за их мужеложства, огонь с небес дотла сжёг Содом и Гоморру[19], стерев с лица земли эти древние города. Гневные слова против гомосексуализма содержатся в Послании святого апостола Павла к Римлянам, Впрочем, как и в других священных текстах. Апостол, узнав о случае блуда между близкими родственниками в Коринфе[20], требует изгнать развратника из церковной общины, дабы его пример не стал дурной закваской. Как же мы дерзнём судить мир, рассуждает апостол языков, когда сами оставляем грех нетронутым в теле Церкви? *«Но я писал вам не сообщаться с тем, кто, называясь братом, остаётся блудником, или лихоимцем, или идолослужителем, или злоречивым, или пьяницею, или хищником; с таким даже и не ест вместе. Ибо что мне судить и внешних? Не внутренних ли вы судите? Внешних же судит Бог. Итак, извергните развращённого из среды вас»* (1 Кор. 5, 11–13).

Мог ли апостол, Впрочем, как и другие ученики Христовы и святые отцы, представить себе, что наступят такие времена, когда попрано будет Евангелие и Божий Закон не будет иметь силы? Что не только блудники не будут отлучаемы от Церкви, но ещё и педерастам дозволено будет приступать к престолу, прикасаться своими нечистыми, скверными руками к священным сосудам? Могли ли угодники Божии помыслить, что мы будем участвовать в ВСЦ и не только сотрапезничать, но ещё и совершать совместные молитвы с псевдохристианами, с представителями так называемых церквей, которые настолько отпали от истины, что стали уже благословлять и однополые браки?

Ныне наши епископы не смеют словом дерзновенным, заслуживающим доверия, бороться с содомским грехом (который пытаются навязать Православию проповедники мрачного западного Возрождения), поскольку сами попирают Евангелие, терпя в церковной общине и не удаляя из тела Церкви содомитов, блудников, педофилов.

Поэтому острие церковного глагола против гомосексуализма рикошетом возвращается в тех, кто дерзает его произнести, с помощью такого контраргумента: «А своего-то бесстыдства чего не замечаете? Почему не видите срамного, противоестественного порока в своей среде?»

К сожалению, сегодня церковные иерархи предпочитают поддерживать хорошие отношения с властями предрержащими, подчиняясь их мирским планам – синкретическим, глобалистическим, экуменическим, экологическим и социальным (ханжеским по сути). Они видимо забыли, что нет ничего ценнее и дороже, чем Бог и истинная вера; что только Христос есть Свет мира и что самые важные их служение и миссия – свидетельствовать, проповедовать и являть сей Свет, который неизменно сияет в Единой Святой Кафолической (Соборной) и Апостольской Церкви. А всё, что вне Церкви, есть *«Галилея языческая, народ, сидящий во тьме»* (Мф. 4, 15–16), который должен быть привлечен к свету, а не оставлен во мраке безбожия, заблуждения и ереси.

Никто из людей не может быть сам по себе источником света, не может излучать собственный свет. Дерзко полагая, что источает свет, такой человек на самом деле будет лишь сгущать тьму. Даже в отношении большего из рождённого женами, святого Иоанна Предтечи, евангелист пишет, что *«он не был свет, но [был послан], чтобы свидетельствовать о Свете. Он пришел для свидетельства, чтобы свидетельствовать о Свете, дабы все уверовали чрез него»* (Ин. 1, 7–8).

Тот, кто не верит, что спасение во Христе возможно лишь в Церкви, но полагает, что его можно обрести и в еретических сборищах, не только не спасается, но и постоянно испытывает на себе вразумляющий гнев Божий: *«Верующий в Сына имеет жизнь вечную, а не верующий в Сына не увидит жизни, но гнев Божий пребывает на нём»* (Ин. 3, 36).

Имеет ли что общего просвещающий всех и неизменно сияющий в Церкви Свет Христов с мраком экуменизма, уравнивающего и приравнивающего все религии и вероисповедания? Предпочтём ли аскетичному, равноангельному и небесному Предтече – обмирщенных и приземлённых экуменических лидеров? Им ли будем послушны – тем, через кого древний наушник и искуситель, шептавший некогда Христу, нашептывает и нам о земных благах, тщеславии и власти?

Мы уже больше не свет миру, ибо не светим чистотой нашего жития, и не соль земли, ибо не защищаем мир от умножающегося морального разложения. А посему, как духовно негодные, презираемы и попираемы людьми: *«Вы – соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь её солёною? Она уже ни к чему негодна, как разве выбросить её вон на поправление людям»* (Мф. 5, 13).

Прежде наша Церковь, наше аскетическое, святое и непорочное Православие, благодаря добродетельному житию православных пастырей, имело моральное право обличать блудный образ жизни римо-католического клира, как это, например, делал святитель Симеон Солунский Тайноводитель[21]: *«И даже блуд совсем не подвергается наказанию и у их священников, но они открыто имеют наложниц и отроков для разврата и при этом каждый день священнодействуют... И они живут неевангельской жизнью, ведь всяческое наслаждение и разврат у них не подлежит порицанию и не считается чем-то недозволенным для христиан».*

А сегодня моральное разложение терзает уже и наше духовенство, ставшее рассадником педерастов и извращенцев. Священноначалие же озабочено отнюдь не тем, как оградить молодых людей от соращения с пути истинного, как предотвратить и не допустить всякое их общение с порочными личностями, особенно в церковной ограде. Вместо этого оно обращает церковное правосудие против тех, у кого болит сердце за Православие, за его чистоту; оно упрекает в непослушании и даже в провоцировании раскола тех, кто верен Преданию.

Но может ли констатация подобных фактов, свидетельствующих о всё нарастающем падении нравов среди духовных лиц, на самом деле, смущать и оскорблять верующих, являть собой соблазн?

Действительно, наши замечания, касающиеся вопросов веры и церковной жизни, многих беспокоят и, возможно, даже удручают. Но поднимаем мы эти проблемы из самых добрых побуждений и благих намерений, а не из-за какой-то личной неприязни или враждебного к кому бы то ни было отношения. Почитая епископский сан и хороших архиереев, мы никого никогда не подстрекали к расколу. Как, впрочем, не собираемся этого делать и впредь.

Глава 2

СВЯТОЕ НЕПОСЛУШАНИЕ ИЛИ ХУДОЕ ПОСЛУШАНИЕ?

По ряду причин великая добродетель послушания, к большому сожалению, многими понимается неправильно. Из-за этого верующие теряют свою свободу во Христе, свой внутренний, духовный потенциал и всякую способность к борьбе и подвигу. И в руках некоторых, на вид благочестивых, «духовников» часто превращаются в безвольные и несвободные создания, в этаких бессловесных и безропотных рабов...

Серьёзно обратиться к теме послушания нас подвигла проблема, давно существующая в Церкви: большинство из нас зачастую отождествляют священноначалие, предстоятеля и епископат – с самой Церковью, отдельных личностей – с целым институтом, каковым, несомненно, является Церковь. И поэтому проявление непослушания в каких-то вопросах кому-либо из этих лиц воспринимается как непослушание самой Церкви.

Но что же на самом деле значит послушание Церкви?

Послушание ли главе Церкви, архиереям и иереям как физическим лицам – не взирая на то, добрые ли они пастыри, или же наёмники, бросающие овец на произвол судьбы или даже в объятья волков? Несмотря на то, послушны ли они сами истине православной веры, являются ли *«верно преподающими слово истины»* (2 Тим. 2, 15)? Вне зависимости от того, согласно ли всё, что они говорят и делают, с православным учением – или же представляет собой заблуждение? И надлежит ли нам следовать за любыми духовными лицами и слушаться их всех, добрых и злых, соблюдая всё, чему они учат, не разбирая, истина это или ложь?

Безусловно, нет! Если бы в Церкви одержало верх такое искажённое представление о послушании, тогда бы в ней и поныне царил ересь, ибо святые должны были бы пребывать в послушании еретическим патриархам и иерархам; тогда бы в ней навеки утвердились николаизм^[22] вкупе с гомосексуализмом...

Послушание Церкви – это послушание вовсе не каким-то конкретным личностям (ибо людям, как известно, свойственно заблуждаться), но **непреложной истине Церкви**, как она явлена в Евангелии и непреходящем многовековом святоотеческом Предании.

Всё, что Священное Писание и святые отцы говорят о послушании священнослужителям, подразумевает послушание пастырям добрым,

неусыпно радеющим об истине и спасении верных. Классический тому пример – отрывок из Послания святого апостола Павла к Евреям: *«Повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны»* (Евр. 13, 17). Однако необходимым условием такого послушания он считает, в первую очередь, неусыпную заботу пастырей о душевном спасении пасомых: *«Ибо они неусыпно пекутся о душах ваших, как обязанные дать отчет»* (Евр. 13, 17).

Апостол также побуждает верующих почитать наставников. Но каких наставников? Тех, кто примером своей жизни учит слову Божию: *«Поминайте наставников ваших, которые проповедовали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их»* (Евр. 13, 7).

То же относится и к словам святителя Игнатия Антиохийского[23] о послушании священноначалию. К его посланиям совершенно опрометчиво апеллируют многие поборники епископоцентричной эkkлесиологии, пытаются найти законное основание или оправдание безраздельной власти епископов, которая зачастую принимает формы самодурства и тирании ещё и похлеще папских.

Действительно, в своих посланиях святой Игнатий побуждает проявлять полное послушание архипастырю. Но всякому ли? Отец Георгий Металлинос[24], присутствуя на различных собраниях духовенства, где, со ссылкой на святителя, обосновывается необходимость беспрекословного и абсолютного послушания архиерею, всегда замечает, что при этом следовало бы ещё уточнять, какими достоинствами он должен обладать, чтобы требовать послушания себе. Ведь далеко не всякий владыка соответствует тем высоким критериям, которым должен отвечать истинный епископ.

А в своих посланиях святой Игнатий Богоносец безусловно подразумевает послушание как раз архипастырю доброму, каким, вне всякого сомнения, являлся он сам. Многие ли из нынешних иерархов, подобно святителю, являют собой пример для подражания – своим смирением, подвижническим характером и активной деятельностью против ересей, а также своим исповедничеством и готовностью пострадать за истину даже до смерти? Но ведь именно таких достойных епископов, верно преподающих слово истины, поминает Церковь во время совершения Евхаристии.

Мыслимо ли слушаться священнослужителей, не проповедующих истину Евангелия и примером своей жизни ведущих паству в пропасть гибели или же оправдывающих ересь ересей – экуменизм? И чему в образе жизни таких клириков стоило бы подражать?

Святое непослушание совершенно необходимо тогда, когда ересь и моральное разложение принимают колоссальные размеры, когда Церковь в лице священноначалия впадает в заблуждение, как это происходит в наши дни в отношении архиереси экуменизма...

Ересь оскверняет и поражает всё тело Церкви, и поэтому неважно, что понтифик посетил только Афины или что ВСЦ заседало в пределах митрополии Аттики[25]. В вопросах веры нет такого понятия, как «в моём ведении» или «в чужой компетенции». Так, еретик Арий[26] объявился в

далёкой Александрии[27], а бороться с новым лжеучением стали каппадокийские отцы[28]; или, например, в Константинополе начал свою еретическую проповедь Несторий[29], но борьбу с ним вёл, главным образом, Александрийский святитель Кирилл[30].

Таким образом, ни для кого из архиереев не может служить оправданием тот факт, что нога папы не ступала в пределы их епархий, или что конференция ВСЦ проходила не в их митрополии, или что лично они не совершали совместных молитв с католиками и протестантами. Раз они тому не противились, никак не противодействовали, не протестовали и не возвышали свой голос против этого нечестия, значит, наравне со всеми, причастными к ереси экуменизма, разделяют ответственность и несут вину за то, что вершилось, и в равной степени с другими причастны к этому заблуждению. Ведь, по слову святого Иоанна Златоуста[31], епископ должен радеть не только о своей епархии, но и обо всей Вселенской Кафолической[32] Церкви в целом: «Предстоятелю следует заботиться не только о Церкви, вверенной ему Духом, но и о вселенской».

Поскольку мы не видим, чтобы кто-либо из церковной иерархии боролся с экуменизмом, выступал против него, как-то противостоял натиску католичества и антиправославной деятельности ВСЦ, то мы сами вынуждены возвысить свой глас. Но тотчас умолкнем, лишь только просветит Господь архиереями, и они начнут хоть что-то делать в сложившейся плачевной ситуации. А пока этого не произойдет, заниматься этим придётся нам, простым клирикам и монахам.

Все мы в ответе за Церковь, а не только одни архиереи, ибо Церковь – это не чья-то частная собственность. Епископ вкупе с духовенством, а также миряне, как единое тело с главой – Христом, несут ответственность за неё, каждый в своей мере. Нередко, когда в заблуждение впадали патриархи и иерархи, на защиту Церкви от всевозможных ересей становились как раз простые пресвитеры и иноки, а верующий народ испокон веков вообще признаётся стражем Православия.

И последнее: неоднократно представляя Вселенскую патриархию и Элладскую Церковь на межхристианских конференциях, мы наглядно убеждались в том, что подобные богословские диалоги не только ни к чему не приводят, но, напротив, ведут к апостасии[33], к отпадению от Православия. Экуменисты из числа православных, участвуя в подобных встречах, нисколько не свидетельствуют об истине нашей веры, хотя именно эту цель они декларируют и якобы преследуют – на самом же деле, этой целью они просто прикрываются, используя как аргумент для оправдания своего участия в ВСЦ и других подобных организациях, и не более того.

Глава 3

СВЯЩЕННОЕ ПИСАНИЕ О ПОСЛУШАНИИ

Писание делает чёткое различие между добрыми пастырями и злыми наёмниками; истинными и подлинными служителями Божиими, учителями,

пророками – с одной стороны, и лжесвященниками, лжеучителями и лжепророками – с другой.

Приведём цитаты из книги святого пророка Иеремии[34], которые использует и святитель Григорий Палама[35] применительно к современным ему лжепастырям-еретиками: *«Изумительное и ужасное совершается в сей земле: пророки пророчествуют ложь, и священники господствуют при посредстве их»* (Иер. 5, 30–31). *«Пастыри сделались бессмысленными и не искали Господа, а потому они и поступали безрассудно, и всё стадо их рассеяно»* (Иер. 10, 21). *«Множество пастухов испортили Мой виноградник, истоптали ногами участок Мой; любимый участок Мой сделали пустою степью; сделали его пустынею»* (Иер. 12, 10–11).

Сам Христос чётко разделяет пастырей на добрых и злых, побуждая слушаться только хороших, а отнюдь не плохих – наёмников, которых интересуется лишь собственная выгода и которые отнюдь не намерены жертвовать собой ради овец, оставляя их незащищёнными при нападении волков: *«Пастырь добрый полагает жизнь свою за овец. А наемник, не пастырь, которому овцы не свои, видит приходящего волка, и оставляет овец, и бежит; и волк расхищает овец, и разгоняет их»* (Ин. 10, 11–12).

Многие лжепастыри проникли в овчарню не через двери, то есть не благодатью Божией, но «инуде», а именно посредством многообразной симонии[36]. И посему они, как замечает в своём «увещательном руководстве» преподобный Никодим Святогорец[37], не суть богоизбранные сосуды Божии и даже не ставленники народа, а просто-напросто самозванцы. Оттого то овцы и глядят на них как на чужаков, не слушаются их и не идут им вслед – ведь они следуют лишь за истинными пастырями: *«Истинно, истинно говорю вам: кто не дверью входит во двор овчий, но перелазит инуде, тот вор и разбойник; а входящий дверью есть пастырь овцам. Ему придверник отворяет, и овцы слушаются голоса его, и он зовёт своих овец по имени и выводит их. И когда выведет своих овец, идёт перед ними; а овцы за ним идут, потому что знают голос его. За чужим же не идут, но бегут от него, потому что не знают чужого голоса»* (Ин. 10, 1–5).

Однако, если овцы, то есть верующие, по какой-либо причине всё же последуют за худым пастырем, то ответственность за этот шаг будут нести они сами. Об этом ясно сказано в Апостольских постановлениях[38]: миряне не могут утверждать, что они всего лишь послушные овцы, что сами они ничего не решают и что вся ответственность лежит сугобо на пастыре, который и даст за всё ответ. Мыслить так пагубно, ибо овцу поджидает верная смерть не только тогда, когда она не идёт вслед за добрым пастырем и потому бывает задираема волками, но и тогда, когда следует за злым – за лжепастырем. В заключение Апостольские постановления предлагают следующий совет, который во все времена звучит актуально: *«Посему, надобно бегать пастырей-губителей»*.

Невозможно упомянуть всё, что в Новом Завете говорится о лжеучителях, лжепророках и лжепастырях. Приведём лишь слова святого апостола Павла, обращенные к пресвитерам Ефесским[39], которых он призвал в Милит[40], возвращаясь в Иерусалим из своего последнего апостольского путешествия. Он предупреждает их о том, что вскоре появятся пастыри – волки в овечьих шкурах – еретики, которые сделают всё, чтобы рассеять паству. Однако и из среды

самих пресвитеров выйдут те, кто, извратят Евангелие, чтобы привлечь к себе слушателей и постараться сделать их своими приверженцами: *«Итак внимайте себе и всему стаду, в котором Дух Святой поставил вас блюстителями, пасти Церковь Господа и Бога, которую Он приобрел Себе Кровью Своею. Ибо я знаю, что, по отшествии моём, войдут к вам лютые волки, не щадящие стада; и из вас самих восстанут люди, которые будут говорить превратно, дабы увлечь учеников за собою»* (Деян. 20, 28–30).

И последнее: апостол языков предупреждает верных, что в вопросах веры и послушания необходимо проявлять такую осторожность и рассудительность, что даже если бы он сам или же ангел начали учить чему-то иному, неведомому прежде, то не следовало бы их слушаться: *«Но если бы даже мы или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема»* (Гал. 1, 8).

Глава 4

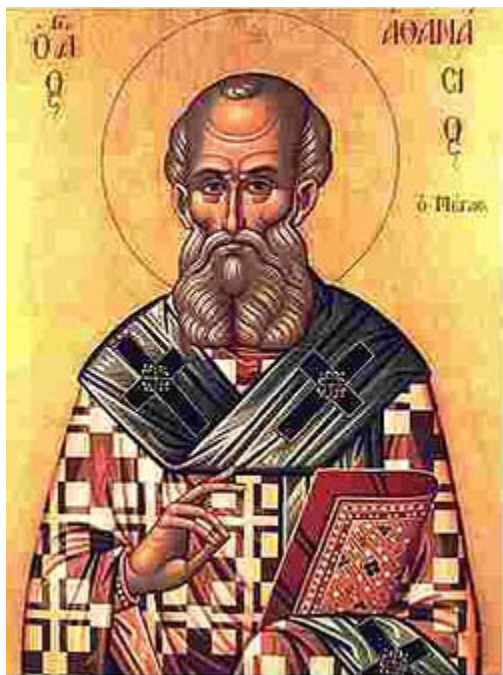
СВЯТЫЕ ОТЦЫ О ПОСЛУШАНИИ

Прежде чем привести в качестве примера некоторые высказывания святых в отношении благословенного послушания архиереям, верно преподающим слово истины и святого непослушания еретикам и еретичествующим, отметим следующее. Многие святые отцы, основываясь на Священном Писании, прямо и откровенно говорили о злых пастырях, решительно высказываясь в пользу изгнания таковых из Церкви, особенно когда те своим поведением соблазняют народ Божий.

Ныне же, искажая и упраздняя Евангелие, опровергая и ниспровергая святых отцов, подобные лжепастыри не только не выдворяются вон, дабы наступил столь желанный и долгожданный катарсис, но, напротив, они удаиваются ещё и беспрекословного послушания. Тех же, кто отказывается слушаться извращающих Евангелие, кто изобличает являющихся источником соблазна, называют дерзостными смутьянами и устраивают над ними суды с целью извергнуть из Церкви. Не являет ли это собой нечто нелепое, странное и не вполне разумное?

1) Святитель Афанасий Великий

Святой Афанасий^[41], понимая всю серьёзность вопроса о недостойных, худых клириках, своим поведением соблазняющих верных, смело утверждает следующее. Верующим предпочтительнее собираться в молитвенных домах, то есть храмах, одним – без архиереев и иереев, – нежели вкупе с ними наследовать геенну огненную, как это произошло с теми иудеями, которые вместе с Анной и Каиафой^[42] восстали против Спасителя: *«Если епископ или священник, будучи очами Церкви, имеют недоброе поведение и соблазняют народ, то следует их изгонять. Лучше без них собираться в доме молитвы, чем вместе с ними, как с Анной и Каиафой, быть вверженными в геенну огненную»*.

Как гром среди ясного неба звучат для нас известия о том, что духовные лица всех степеней, которых мы считали благочестивыми и воздержными, а то и подвижниками и готовы были им подражать и проявлять полное послушание, – оказываются одержимыми скверными пороками, причём такими, о существовании которых мы, возможно, даже не подозревали.

С подобными, украшенными длинными брадами святошами и «аскетами», которые всё делают *«с тем, чтобы видели их люди»* (Мф. 23, 5), следует быть весьма осторожными. Ведь лицемерие искони подтачивает христианскую мораль, в том числе и среди монашествующих. (Живший в XII веке святой

Евстафий Солунский[43], просвещённый и прямодушный иерарх, посвятил этому пороку отдельный труд «О лицемерии», в котором гневно осудил сей грех.)

Святитель Афанасий о подобных двуличных лжепастырях пишет так: «Сказал Господь: *“Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные. По плодам их узнаете их”*. Если увидишь, брат, кого-либо, кто имеет облик благопристойный, не на то смотри, одет ли он в овечью шерсть, носит ли имя священника, епископа, диакона или подвижника, но потщись узнать о делах, целомудрен ли он, гостеприимен ли, милостив, любящ, упорен ли в молитвах, терпелив ли. Если чрево ему – бог, гортань – ад, если он падок на деньги и торгашествует благочестием, оставь его – он не мудрый пастырь, но хищный волк. Если ты умеешь деревья познавать по плодам – какой они породы, вкуса, качества, – тем паче ты должен распознавать хриstopродавцев по делам их, так как они, нося личину благоговения, имеют дьявольскую душу. Ты же не собираешь от терния грозды или от репия смоквы, тогда почему полагаешь, что можешь услышать от преступников что-либо доброе или от предателей узнать что-либо полезное? Итак, уклоняйся от них, как от волков аравийских, как от терния преслушания, репейников несправедливости и древа лукавого. Если же ты увидишь разумного, как научает Премудрость, ходи к нему, и пусть нога твоя истирает пороги дверей его, дабы научиться тебе от него начертаниям закона и дарам благодати. Не красноречивое слово или внушительный вид вводят в Царство Небесное, но совершенная и безыскусная вера вместе с добродетельным и блистательным благоразумием».

Приведём ещё один примечательный случай из жития святого Афанасия. Однажды он получил известие о том, что монахи Каппадокии поднялись против великого святителя Василия[44], когда тот, желая вернуть в Православие умеренных пневматомахов[45], ради икономии[46] какое-то время избегал именовать Святого Духа «Единосущным». Сообщивший об этом пресвитер

Палладий желал, чтобы святитель Афанасий наставил каппадокийских иноков пребывать в единомыслии и послушании своему архипастырю.

Однако ответ истого поборника Православной веры представляет собой нечто совершенно противоположное тем наставлениям, которые нынешние патриархи и иерархи дают монашествующим, когда те пытаются протестовать против уклонений священноначалия от учения Церкви. Итак, святой Афанасий пишет: «Мне уже известно о кесарийских иноках от возлюбленного нашего Диания, что они противятся епископу, возлюбленному нашему Василию. Хвалю тебя за то, что известил меня об этом, а им высказал я, что следовало: чтобы как чада послушны были отцу и не противоречили ему в том, чему учит, после рассмотрения. Если бы можно было подозревать его в неверном рассуждении об истине, то хорошо было идти против него. А если твёрдо уверены, как и все мы уверены, что он – похвала Церкви, подвизается паче за истину, и учит имеющих в том нужду – то надобно не противоборствовать таковому, а паче одобрять благую его совесть. Ибо из рассказанного мне возлюбленным Дианием открывается, что негодуют они напрасно. Василий, как твёрдо уверен я, немощным бывает немощен, да немощные приобретает. И возлюбленные нами, взирая на цель и смотрение его (соблюсти истину), да прославят Господа, давшего Каппадокии такого епископа, какого желает иметь и всякая страна».

Как видим, святитель Афанасий отнюдь не порицает иноков за то, что те интересуются вопросами веры, не побуждает их ограничиться исполнением лишь своих монашеских обетов (словно существует более высокий долг, чем сохранение веры и защита её). Он не предлагает инокам, отринув акривию, следовать позиции святого Василия, но советует им постараться понять его благие намерения и одобрить их. И поскольку в такой позиции святителя Василия нет ничего предосудительного, святитель Афанасий побуждает монахов пребывать в послушании своему архипастырю и доверять ему. Однако если бы в позиции Каппадокийского епископа действительно было нечто внушающее сомнение, тогда их непослушание было бы совершенно уместным и полностью оправданным.

Но можем ли и мы сегодня, как некогда святой Афанасий, советовать монашествующим оставаться в послушании владыкам-экуменистам, которые упразднили даже сам смысл икономии как временного уклонения от акривии[47]? Можем ли с уверенностью утверждать, что эти нынешние сношения с католиками, протестантами, монофизитами[48] и прочими еретиками происходят исключительно ради икономии?

Отнюдь нет! Ведь никто из иерархов-экуменистов никогда не выступил в поддержку защитников Предания, объяснив, что происходящее уклонение от чистоты церковного учения допускается ими лишь на краткое время и только ради икономии, дабы кого-нибудь из заблудших и еретиков – католиков, протестантов и монофизитов – привести к Православию. Напротив, нам навязывается мнение, что к Церкви принадлежат все и вся, и никто не пребывает вне её границ. Вследствие чего сами понятия ересь и заблуждение ушли в небытие.

А раз так, то и позиция экуменистов не есть, как видно, явление временное, ради пользы немощным, но нечто постоянное, ибо к заблудшим сегодня никто не относится как к недугующим. Возведя иконономию в разряд правила и даже закона, экуменисты полностью пренебрегают акривией, отвергают её, видя в ней якобы проявление фанатизма и недостатка любви. Представляя акривией свою позицию, они карают всех дерзающих указывать на то, что речь в данном случае идёт об уклонении от чистоты православной веры. Ну а на тех, кто в догматических вопросах придерживается акривии, они вешают ярлыки экстремистов, фанатиков и фундаменталистов.

Итак, согласно мнению святителя Афанасия Великого, существует праведное, непредосудительное неповиновение – святое божественное непослушание, которое допустимо и даже необходимо в тех случаях, когда церковное священноначалие неверно преподаёт слово Христовой истины.

2) Святитель Василий Великий

Святой Василий весьма резко высказывается в отношении тех епископов, которые предают веру свою ради власти и благ, сопутствующих их положению: таковых он даже не считает архиереями! И поэтому, например, советует никопольским пресвитерам не иметь ничего общего со своим арианолюбивым епископом Фронтоном. Фактически святитель Василий побуждает их к неповиновению – к святому и божественному непослушанию. Он также предупреждает, что отнюдь не следует прельщаться тем, что подобные иерархи могут нередко казаться православными и имеющими истинную веру: «Только не обманывайтесь ложным словом тех, кто возвещает истинность веры. Ведь они хриstopродавцы, а не христиане, всегда предпочитающие жить с выгодой для себя, а не по истине. Когда они решили завладеть сей пустой властью, то присоединились к врагам Христовым, а когда увидели, что народ негодует, то снова притворились истинно верующими. Я не считаю епископом и не причисляю к иереям Христовым того, кто нечистыми руками выдвинут на предстоятельское место для разрушения веры».

Желая выразить своё мнение в отношении ереси-болезни, поразившей Церковь, и просветить пресвитеров в этом вопросе (оставив, однако, за ними право действовать по своему разумению и усмотрению), святой Василий обращается к клиру другой епархии, не дожидаясь какого-то одобрения или дозволения со стороны вышестоящей церковной власти – патриарха или синода. (Нам же зачастую советуют брать благословение и извещать священноначалие обо всём, что бы мы ни собирались предпринять – но ведь и мы не делаем ничего предосудительного, когда вместе с другими священнослужителями и монашествующими высказываемся по ряду серьёзных церковных и богословских проблем.)

Итак, в своём послании святитель Василий Великий пишет: «Таково моё суждение. А вы, если имеете с нами хоть что-то общее, конечно, согласитесь. Если же вы полагаетесь на себя, то каждый сам себе господин, а мы неповинны в его крови. Я написал так не из недоверия к вам, но дабы разрешить сомнение у тех, кто знает мое мнение о том, как некоторые не вступали в общение и не принимали рукопожатия, а по наступлении мира поспешили причислить себя к священническому чину».

Непримиримую позицию по отношению к ереси и её приверженцам святой проявлял нелицеприятно: она распространялась и на сильных мира сего, включая самого императора – поддерживавшего ариан Валента[49], который послал епарха[50] Модеста с наказом склонить стойкого и непреклонного святителя к послушанию[51]. Ибо все, подчинившись, уступили: и патриархи, и иерархи – непокорным был лишь только один святой Василий. (Наверно, и тогда склонные к уступкам и компромиссам говорили: «Что, лишь он единственный имеет правую веру? Неужели все другие заблуждаются?»)

Во время беседы с Модестом, когда речь зашла о послушании императору и о том, что все другие давно покорились, прославленный архипастырь так ответил епарху:

«– Вы правители, и не отрицаю, что правители знаменитые, однако же вы не выше Бога. И для меня важно быть в общении с вами (почему бы нет – и вы Божия тварь), впрочем, не важнее, чем быть в общении со всяким другим из подчинённых вам, ибо христианство определяется не достоинством лиц, а верою...

– Так и с такою свободою никто доселе не говаривал передо мною, – сказал царский посланник.

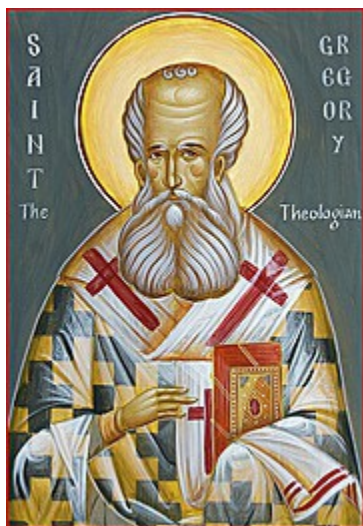
– Быть может, – отвечал святой Василий, – ты не встречал настоящего епископа, иначе, без сомнения, имея дело о подобном предмете, услышал бы от него такие же слова. Ибо во всём ином, о, правитель, мы скромны и смиреннее всякого – это повелевает нам заповедь. И не только пред таким могуществом – пред кем бы то ни было мы не поднимаем высокомерно брови. Но когда дело касается Бога и против Него дерзают восставать, тогда, презирая всё на свете, мы имеем пред очами одного лишь Его».

Великий вселенский святитель Василий на вопрос: «Разве следует подчиняться всякому, что бы он ни приказывал?» – то есть всех ли и во всём следует слушаться, – так отвечает инокам: тем, для кого послушание наряду с нестяжательством и девством является одним из трёх монашеских обетов и одной из главных добродетелей, не имеет ровно никакого значения, кто требует от нас послушания – тот ли, кто выше нас по чину или кто ниже нас. Важно лишь, насколько то, что нам советуют или же предлагают делать, согласно с заповедями Божиими, с евангельской истиной.

Различия в санах, чинах и постах не должны вредить послушанию – следует проявлять послушание даже тем, кто ниже нас по положению. Следовательно, владыкам и даже предстоятелям Церкви стоит прислушиваться к мнению низших по рангу, когда те дают добрые советы, как некогда святой пророк Моисей послушался Иофора[52].

Итак, когда нас побуждают делать что-либо согласно с заповедями Господними или же сподвигающее к их исполнению, то этому с большим рвением, как воле Божией, надлежит следовать. Однако когда нам повелевают делать нечто противное заповедям Божиим, что искажает или порочит их, на это надобно отвечать так же, как в своё время апостолы ответствовали архиереям: «Должно повиноваться больше Богу, нежели человекам...» (Деян. 5, 29).

Поэтому святой Василий и учит избегать и всячески отвращаться тех пастырей, которые препятствуют нам исполнять заповеди Божии или же склоняют творить неудобное Господу, – каким бы истым и истовым ни казалось их благочестие и какое бы высокое положение в Церкви они ни занимали: «Даже если кто-то очень благороден и чрезвычайно знатен, но мешает творить заповеданное Господом или побуждает делать запрещённое Им, от такового нужно убежать, он должен быть мерзок для каждого из любящих Господа».

3) Святители Григорий Богослов и Иоанн Златоуст

Святые Иоанн Златоуст и Григорий Богослов[53] в своих трудах неустанно воспевают величие священного сана[54]. Поистине несравненным образом изображая высоту пастырского служения, высочайшие духовные качества и чистоту клириков, они вместе с тем

изобличают падение и непостоянство многих из них – для того, чтобы было понятно различие между добрыми и злыми пастырями.

Во многих их творениях часто упоминается и о худых епископах. Но это не значит, что тем самым они впадают в грех осуждения или поношения. Единственное их желание – предостеречь и оградить верных чад от злых архиереев, которым такое обличение также принесёт пользу, естественно, если те смиренно и бесстрастно захотят услышать правду, тем самым являя подлинную мудрость, ибо сказано в Писании: *«Не обличай кощунника, чтобы он не возненавидел тебя; обличай мудрого, и он возлюбит тебя»* (Притч. 9, 8).

Святитель Григорий, претерпевший многие гонения и ссылки от плохих иерархов, пишет, что он не страшится ничего: ни нападков со стороны людей, ни нападений диких зверей. Единственное, чего он боится и желал бы избежать, так это злых епископов: *«Одного избавь меня, злых епископов»*. Ибо архипастыри, поставленные быть учителями, вместо этого стали делателями всяческих злодеяний и многообразного порока: *«Стыдно говорить, как есть, но я скажу: поставленные быть учителями благого, мы есть источник всех зол»*. Подобную же мысль мы встречаем и у святого Иоанна Златоуста: *«...Никого я так не боюсь, как епископов, – исключая немногих»*.

У святителя Григория Богослова есть также мудрые слова о том, что плох тот мир, который отдаляет нас от Бога (то есть когда мы соглашаемся с тем, что неудобно Ему, либо участвуем в том, что противно Его святой воле), но похвальна та война, которую мы ведём против лжи, заблуждения и греха.

По аналогии с этим скажем: как существует благое и худое послушание, так есть худое и благое непослушание. И как святитель Григорий, рассуждая о мире и войне, говорит, что *«брань лучше мира, разлучающего с Богом»*, так и мы дерзнём утверждать, что непослушание бывает лучше послушания, разлучающего нас с Господом.

4) Преподобный Максим Исповедник

Святой Максим, справедливо именуемый Исповедником[55], являет нам пример той ответственности в борьбе за сохранение веры, которую несут в первую очередь, конечно, священнослужители, а затем уже и монашествующие с мирянами.

В те времена повсюду царила ересь монофелитства[56] (ныне же везде, к сожалению, господствует наихудшая из ересей – экуменизм) и весь епископат могущественной Константинопольской Церкви покорился императору и патриарху, поддерживающим еретиков. Непокорным был только один инок – преподобный Максим. (Наверняка, он тоже слыл бунтарём и непослушливым, как и сегодня противников экуменизма обвиняют в том, что своим словом они будоражат и смущают паству.)

Патриарх Петр[57] порицал святого Максима за неповиновение Церкви и угрожал ему прещением. Преподобный же на это отвечал, что Церковь есть правое исповедание веры, та истина Церкви, от которой он никогда не отпадёт,

и что в послушании Церкви не пребывает как раз тот, кто предаёт истину, изменяет ей, а не тот, кто её защищает.

Приведём небольшой отрывок этого диалога.

Патриарх обратился к исповеднику со словами: «Какой Церкви ты? Византийской, Римской, Антиохийской, Александрийской или Иерусалимской? Вот все [эти Церкви] с подвластными [им] епархиями объединились [между собою]. Итак, если ты, как говоришь, принадлежишь к католической Церкви, то соединишься [со всеми], чтобы, вводя в жизнь новый и странный путь, не подвергнуться тому, чего не ожидаешь».

Святой ответил ему достойно своей мудрости и благочестия: «Бог всяческих объявил католическою Церковью правое и спасительное исповедание веры в Него, назвав блаженным Петра за то, что он исповедовал Его. Впрочем, я хочу узнать условие (исповедание), на котором состоялось единение всех Церквей, и если это сделано хорошо, я не стану отчуждаться».

Семьсот лет спустя святитель Григорий Палама, безусловно зная такую позицию преподобного Максима, ещё строже утверждал, что к Церкви принадлежат лишь те, кто принимают истину Церкви; те же, кто непослушны этой истине, никоим образом не могут составлять Церковь, не имеют к ней никакого отношения. Такие люди занимаются самообманом, даже если и именуют себя иереями или архиереями. Христианство, подлинное и истинное, характеризуется и определяется не личностями, но непреложной истиной и непреклонностью в вере: «И те, кто от Церкви Христовой, суть от истины, а те, кто не от истины, те и не от Церкви Христовой, сколь бы они ни возводили о себе лжи, когда называют самих себя святыми пастырями и архиереями, и так зовутся другими. Ведь мы помним, что христианство определяется не внешним видом, но истинностью и точностью веры».

Внимательно изучая деятельность преподобного Максима и его взгляды, можно многое почерпнуть по интересующей нас теме, но мы обратимся лишь к тем фактам, которые являют яркие примеры благого непослушания.

Святой Максим «рыдал и был охвачен глубочайшей скорбью», видя, как поддерживаемая государственными и церковными властями ересь монофелитства распространяется на Запад и Восток. Посему он покинул пределы Царьградской Церкви и прибыл в Римскую, не осквернённую сей ересью, «чистую от такого позора». «Оставив здешние места, он прибывает туда, защищая учение и последую тамошним православными, не без труда, не без усталости и мучения проделал такой путь».

По пути в Рим преподобный посетил и церковные общины в Африке для того, чтобы поддержать и укрепить православных, общался с местными архиереями, укрепляя в них Халкидонскую веру^[58], вооружая аргументами против еретиков, передавая свои знания и опыт. Ведь он прекрасно понимал: чтобы противостоять еретикам, недостаточно церковного сана, – необходимы богословские знания и богатый опыт. (Ныне же некоторые полагают, что после епископской хиротонии они становятся искусными богословами и поэтому требуют абсолютного послушания себе.)

Будучи простым иеромонахом, он в премудрости и рассудительности превосходил любого архипастыря. Потому иерархи и слушались его. «Ведь если они были выше по положению, то мудростью и разумом были ниже, не говоря о других добродетелях и доброй славе, которой пользовался у всех этот муж. Поэтому они уступали его словам и беспрекословно подчинялись иным увещаниям и советам, заключавшим в себе столь великую пользу».

Вступив в 654 году во второй раз на Константинопольскую кафедру, монофелитский патриарх Пирр[59] вновь вернулся к своим еретическим убеждениям, хотя прежде, после своей беседы с преподобным Максимом, публично осудил ересь. Теперь же он всячески пытался сломить волю святого, «думая, что если он его подчинит, то подчинит и всех остальных».

Поэтому, невзирая на преклонные годы подвижника (в то время ему было восемьдесят лет), святого Максима подвергли неопишным унижениям и мукам, а вместе с ним и ученика его Анастасия, а также римского папу святителя Мартина[60] и других западных иерархов, которых насильно доставили в Царьград.

С помощью ложного, грубо состряпанного обвинения, на многократных заседаниях архиереи-еретики пытались сломить исповедника, запугать его, но все их старания были тщетны. Угрозы и лезть вперемежку с допросами не утрашили и не обольстили преподобного, который остался верным истине и «всецело непреклонным, твёрдым и непоколебимым духом».

Поэтому еретик, епископ Кессарийский Феодосий, предпринял ещё одну попытку убедить святого, заявив, что с ним они полностью согласны и что верования они нисколько не изменяют, но действуют так исключительно из соображений икономии[61]. «Появившееся ради икономии не следует принимать как истинный догмат, так же как и ныне предлагаемый нам типос появился под предлогом икономии, а не в соответствии с догматами».

На это преподобный Максим ответил, что **в вопросах веры нет места икономии и компромиссу**, и те, кто пытаются своё уклонение от чистоты православного учения оправдать икономией, суть лжецы, которых не только не следует слушаться, но, наоборот, необходимо всячески отвращаться, дабы через общение с ними не соучаствовать в их нечестии. «Такое происходит от лжеучителей и обманщиков, которым следует не доверять, а уклоняться от них, насколько возможно, и отдаляться, чтобы от общения с ними мы не стали жертвой какого-либо зла».

Никакие приёмы и ухищрения не смогли сломить святого, заявившего: «Вся сила небесная не убедит меня подчиниться вам, ибо что я буду приводить в свое оправдание, я имею в виду не Богу, но своей совести, если ради славы человеческой, которая есть ничто, отрекусь от спасительной для меня веры?» (А сегодня еретичествующие иерархи в погоне за человеческой славой, совершенно забыв о Боге и своей совести, призывают нас к беспрекословному послушанию, принуждая покориться экуменизму.)

И последнее: в житии преподобного Максима рассказывается о том, как с началом распространения ереси – «уходит от правильного учения [император],

а вместе с ним и Церковь, и немалая часть народа повернулась к противоположному». В конце концов, единственным из патриархов, верным Православию, остался лишь святитель Софроний Иерусалимский[62], вокруг которого и смогли сплотиться православные, клирики и миряне: «Вокруг него собирается всё священство и православный народ».

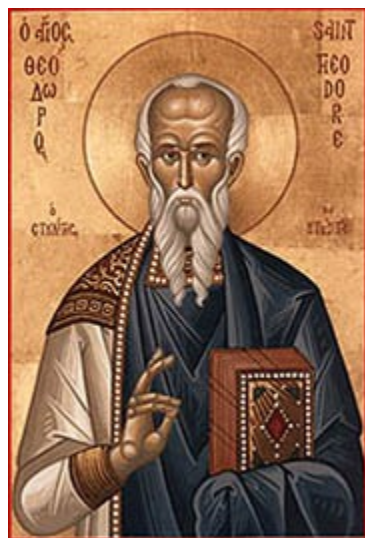
(Дай-то Бог, чтобы и в наши дни Господь явил миру хотя бы одного патриарха или двух-трёх епископов, незапятнанных позором экуменизма, дабы возле них смогли бы объединиться «священство и православный народ».)

В заключение хочется подчеркнуть тот огромный вклад, который внесли святые отцы в формирование здоровых отношений Церкви и Византийского государства, – в первую очередь, их усердие по недопущению цезарепапизма[63] и старания по установлению симфонии[64] между Церковью и государством.

Так, святой Максим, порицаемый за свои слова о том, что «неправедно и нелепо называть царя священником», поясняет, что на самом деле он лишь несколько иначе сформулировал и выразил позицию Церкви по этому вопросу, согласно которой «принимать определения и рассуждать о догматах более подобает священникам, чем царям. Так как им дозволено совершать обряд помазания и рукополагать, совершать приношение хлеба и предстоять перед жертвенником и всё остальное ещё более божественное и тайное исполнять».

5) Преподобный Феодор Студит

Жития святых Максима и Феодора[65] в чём-то схожи. Преподобный Феодор также был простым иеромонахом (впрочем, как и святой Иоанн Дамаскин[66], который сокрушил иконоборцев – патриархов и иерархов. Может, кто-нибудь полагает, что и он тоже не был послушен Церкви?). Но именно преподобному Феодору Студиту пришлось отстаивать истину в двух важных и серьёзных церковных и богословских вопросах того времени, тогда как официальная Церковь в лице патриарха и синода в разрешении этих проблем шла на компромисс и уступки, тем самым упраздняя и ниспровергая Евангелие, Священные каноны и Предание в целом.

Первая проблема возникла в связи со вторым браком автократора Константина VI[67], а вторая – вследствие иконоборческой[68] политики императоров Льва V[69] и Михаила II [70]...

Без серьёзной причины упрятав свою законную супругу в монастырь, царь Константин стал требовать церковного благословения на брак со своей возлюбленной Феодотой.

Однако развод и второй брак запрещаются Евангелием и церковными канонами. Как известно, Сам Господь упразднил ту лёгкость, с которой закон Моисеев позволял развод (причём всегда не в пользу женщины), совершенно запретив расторжение

брака по какому бы то ни было поводу, кроме факта супружеской неверности – «кроме вины прелюбодеяния» (Мф. 5, 31–32). Таким образом, Христос учил о нерасторжимости брака: «Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает» (Мф. 19, 3–10).

Поэтому второй брак императора, всё-таки освященный пресвитером Иосифом[71] при попустительстве святителя Тарасия, преподобный Феодор считал не браком, но «прелюбодеянием», а совершителя оно – не иереем, но «прелюбодеем». Впрочем, подвижник не только не одобрил второй брак царя, считая его «вне установлений божественных и человеческих», но и тотчас осудил сие деяние, прервав церковное общение как с самим «прелюбодеем», так и с теми, кто находился с ним в общении – с самим самодержцем и даже с патриархом.

Святой объяснял, что это беззаконие ниспровергает Евангелие и упраздняет священные каноны; оно есть не что иное, как попытка изменить неизменные заповеди Божии и представить их изменяемыми и изменчивыми, а значит и Самого Бога изменяющимся и превратным: «Оправдывая это ежедневно вышесказанными ссылками и заключениями под стражу, они действительно нарушили Евангелие, по суждению святых, и насильно внушают, что при всяком преступлении бывает икономия, изменяя неизменные заповеди Божии и представляя их изменяемыми... Отсюда следует не что иное, как то, что Бог изменяем и превратен. Это подобно тому, как если бы кто прямо сказал, что Евангелие безразлично в отношении к спасению и гибели».

В другом месте преподобный Феодор, ссылаясь на мнение святителя Василия о неизменяемости заповедей, писал: «Итак, заповеди Божии изречены неложными устами в значении необходимом и необходимо должны быть соблюдаемы, а не извращаемы так, чтобы можно было их то соблюдать, то нет, или такому-то соблюдать, а такому-то нет, или иногда соблюдать, а иногда нет, но должны соблюдаться всегда, всяким лицом и во всякое время».

Святой справедливо полагал, что если не осудить это прелюбодеяние, то пример царя ромеев[72] может принести зло и другим, подвластным правителям государства, а также послужить дурным примером и за пределами империи, передаваясь из поколения в поколение как неисцельный недуг. «Так и король лангобардов, и король Готии, и наместник Босфора, ссылаясь на нарушение заповеди, предались развратным устремлениям и несдержанным желанием, выставляя как удобный предлог поступок императора ромеев, поскольку он впал в то же самое, получив на это согласие патриарха и бывших с ним архиереев».

Однако не греховный поступок императора, а прямота и дерзновение игумена Студийского монастыря преподобного Феодора явились образцом для других епископов, пресвитеров и иноков. Убедившись, что позиция святого во всём согласна с Евангелием, они отлучили от Церкви тех, кто в пределах их юрисдикции творил подобные беззакония, умаляющие и обесценивающие Предание. «Непозволительно вам иметь жён вопреки постановленным от Христа законам» – вторили они за преподобным Феодором слова,

перекликающиеся с тем, что сказал Ироду покровитель Студийской обители святой Иоанн Креститель: *«Не должно тебе иметь жену брата твоего»* (Мк. 6, 18).

Бесстрашный защитник Предания, преподобный Феодор прекрасно сознавал, что это стояние за истину может стоить ему многого. Он понимал, что за твёрдую решимость в отстаивании своих убеждений может пострадать не только он сам, но и все насельники знаменитого Студийского монастыря. Однако, несмотря ни на что, святой Феодор смело продолжал отстаивать истину, ради которой готов был пожертвовать всем.

Поэтому он презрел своим покоем и мирным духовным деланием в тихой обители; не убоялся ни страданий, ни трудностей, ни запугиваний; не прельстился обещаниями и посулами. Ибо превыше всего на свете для себя он считал защиту евангельской истины, искажение которой непременно влечёт за собой самые серьёзные последствия для духовной жизни и самого спасения.

Вскоре его, действительно, отправляют в ссылку, а братию насильно распределяют по другим монастырям. Но гонение, которое было воздвигнуто на преподобного Феодора, тот претерпел не напрасно, поскольку его слова и дела в конечном итоге сдержали распространение и усугубление зла. *«Ибо страсти, оставляемые без наказания, постоянно стремятся к худшему, подобно ехидне».*

Однако ещё большим мучениям, от тяжести которых он много раз находился на пороге смерти, святой подвергся тогда, когда противостоял императорам-иконоборцам.

Лев V возобновил иконоборческие споры и воздвиг новые гонения против иноков, прежде всего против главного «зачинщика» – студийского игумена Феодора. К сожалению, сразу нашлись некоторые епископы, согласные с царём-еретиком, а другие, не выдержав давления, вынуждены были ему подчиниться. Поэтому, когда автократор созвал собор (815 г.), который должен был вынести окончательное решение в отношении иконопочитания, на его стороне были почти все клирики и монахи.

На заседании собора царь изложил свою точку зрения, называя почитание и поклонение святым иконам идолопоклонством. В ответ на это иконолюбивые отцы высказали православную позицию, заявив в конце о том, что уже одно только то, что они, удостоверившись в еретических взглядах своих оппонентов, всё ещё с ними заседают и беседуют, совершенно неправильно и отнюдь не согласно со Священным Писанием: *«Великим благом для нас, слушающих, что вы таковы, было бы даже прекратить совещания с вами. Ведь божественный Давид с нами согласится, говоря, что не должно ни сидеть в суетном собрании, ни входить вместе с беззаконными, ни собираться в церкви лукавых».*

После такой единогласной позиции преподобный Феодор *«проявил большую и более явственную смелость».* Несмотря на то, что на соборе присутствовали сам патриарх (сломить которого самодержцу всё же не удалось) и другие иерархи, несогласные с ересью и сильно ей противящиеся, именно святой Феодор, простой иеромонах, взялся полностью опровергнуть доводы царя, поскольку был самым образованным и добродетельным среди

присутствующих. «Он выступил первым из собравшихся из-за величия речи и добродетели». (Ведь отнюдь не хиротония сама по себе делает епископа искусным богословом.)

Преподобный Феодор, как лучший из богословов, неопровержимо доказал необходимость почитания святых икон. Более того, назвав еретиков человекоподобными зверями, а их слова и поведение погибельными, он советовал, насколько это возможно, отстраняться от них и даже не встречаться с ними вовсе, ибо с еретиками «разговаривать не только излишне, но и просто вредно».

Император пришёл в ярость от бескомпромиссной позиции преподобного Феодора. Он с трудом усмирив свой гнев и, осыпая исповедника Христова бранью и насмешками, с иронией сказал, что они должны вновь встретиться и продолжить полемику, поскольку он не желает венчать святого Феодора мученическим венцом.

Общая позиция отцов-иконопочитателей в отношении предложения царя ещё раз собраться, чтобы обсудить этот вопрос, имеет для нас огромную важность, поскольку ясно свидетельствует о бесполезности и бесплодности продолжения сегодняшних богословских диалогов с так называемыми инославными, как ныне почтительно принято именовать еретиков. Святые отцы считали, что снова разговаривать с теми, кто уже осуждён Церковью, бессмысленно, поскольку они совершенно невосприимчивы к истине, не в силах принять её: «Ведь нам бесполезно снова разговаривать с уже обвинёнными, так как они глухи к восприятию лучшего и неисправимы во всём».

Кроме того подвижник недоумевал: зачем, как не судить, позвали их на собор, исход которого и так был заранее предрешён? Ведь расхождение в позициях сторон и отсутствие объективного судьи, способного непредвзято рассудить и вынести верное решение, не предвещали ничего иного. Да и кто пошёл бы против воли государя? Ведь почти все подпали под власть царя, не выдержав угроз и убоявшись гонений.

Преподобный Феодор также напомнил автократу, как до него это делали и другие великие отцы, что правителям не должно вмешиваться в церковные дела, поскольку это сфера деятельности священнослужителей. «Вопросы Церкви принадлежат иереям и учителям, императору же дозволено управление внешними делами».

Когда же самодержец в неистовстве спросил святого: «Следовательно, ты изгоняешь меня сегодня из Церкви?» – бесстрашный подвижник ответил, что не он это делает, но святой апостол Павел, который говорит, что Господь поместил в Церковь, во-первых, апостолов, во-вторых, пророков, и, в-третьих, учителей, но отнюдь не царей (см.: Еф. 4, 11–12). И, пожалуй, император сам своими деяниями поставил себя вне Церкви: «И конечно, ты сам ещё раньше тем, что сделал, вывел себя [из Церкви]». И если тот желает вновь вернуться в лоно Церкви, то должен поддержать тех, кто предстательствует и следует истине: «Если же ты хочешь снова стать внутри неё, стань с нами, чтущими истину»

Эти диалоги представляют для нас исключительный интерес, поскольку отвечают на вопрос: «Кто же на самом деле отлучают себя от Церкви: те, кто не слушаются еретиков и еретичествующих архипастырей и правителей, или же те, кто отделяют себя от истины Евангелия и догматов веры?»

Не прекращая страшных угроз, иерархи и властители, уверившись в том, что не могут сделать послушными своим заблуждениям преподобного Феодора и его единомышленников, стали всячески добиваться того, чтобы те, по крайней мере, замолчали. Так, епарх Константинополя запретил сторонникам святого собираться вместе, требуя «не учить или вообще не говорить о вере». (Мнение о том, что простым верующим, да и монахам тоже, не следует заниматься вопросами веры, весьма распространено и в наши дни, поскольку оно продолжает активно внедряться в сознание людей.)

Преподобный Феодор ответил на это так же, как апостолы отвечали властителям иудейским: «Судите, справедливо ли пред Богом слушать вас более, нежели Бога?» (Деян. 4, 19). (Поэтому и мы скорее предпочтём лишиться языка, нежели перестанем защищать веру православную, в меру сил помогая ей своим словом. Было бы чем-то странным и неразумным, если бы мы, видя усилия некоторых по умножению нечестия, сидели в это время сложа руки: «Где разумное основание того, что вы стремитесь держаться худшего и остаётесь без отклика для намного лучшего?»)

В отношении же вопроса, следует ли говорить и клеймить позором зло или же лучше молчать, пребывая в послушании архиереям и иереям, святой Феодор категоричен: когда опасности подвергается вера, всем следует не молчать, но говорить. Никто не может оправдывать себя тем, что, дескать, я не архипастырь и не пастырь, и даже не какая-нибудь важная персона, а всего-навсего простой человек: «Ибо заповедь Господа – не молчать в то время, когда в опасности вера. *“Говори, – сказал Он, – и не умолкай”* (Деян. 18, 9). *“А если кто поколеблется, не благоволит к тому душа Моя”* (Евр. 10, 38). И ещё: *“Если они умолкнут, то камни возопиют”* (Лк. 19, 40). Итак, когда дело касается веры, то не следует говорить: *“Кто я такой?..”*».

Когда искажается церковное вероучение и Христос бывает гоним, в данном случае, чрез брань против Его святого образа, то не только «тот, кто имеет преимущество по званию и знаниям, [...] но и занимающий место ученика обязан смело говорить истину и свободно отверзать уста». Ведь еретики добиваются как раз того, чтобы нигде не звучало слово истины, но повсюду царило заблуждение.

Если одно только молчание есть уже отчасти знак согласия, то письменное одобрение еретических мнений перед лицом всей Церкви – это уже измена Православию. К сожалению, сегодня мы стали невольными свидетелями такого предательства – посредством принятых документов и письменных решений в наши дни происходит распространение и засилье ереси из ересей – нечестия экуменизма.

Никто не обязан быть в послушании архиереям и синодам, когда те не оказываются верно преподающими слово истины. Так, когда Собор 809 года

простил «прелюбодейного» иеромонаха Иосифа, сняв с него запрещение в священнослужении и приняв в клир Константинопольской Церкви, преподобный Феодор прекратил всякое общение с лжеучителями. И не поминал никого из присутствовавших на этом «прелюбодейном» соборе или разделявших мнение его участников, ибо он справедливо полагал, что «сия прелюбодейная ересь» вместе с извращением Евангелия, нарушает и упраздняет ещё и священные каноны.

Мало того, не только он сам не пребывал в послушании, но и другим советовал проявить непослушание и прервать поминовение еретиков и их пособников, ибо еретичество и пребывающие с ними в общении не суть Церковь: «Чтобы ты, зная, что это ересь, избегал ереси или еретиков, чтобы не имел общения с ними и не поминал их при Божественной литургии в священной обители своей; ибо великие угрозы произнесены святыми тем, которые участвуют с еретиками даже и в принятии пищи».

Из этих и других подобных высказываний следует, что прекращение общения для преподобного Феодора означало не просто некую критику или порицание деяния, но именно прекращение литургического поминовения имени епископа.

Итак, еретическая синагога не есть Церковь; еретики и находящиеся с ними в общении никоим образом не могут составлять Церковь. Посему, основываясь на многовековом святоотеческом Предании, согласно которому Церковь существует там, где есть истина, а также на словах Господа, что там пребывает Он, где соберутся двое или трое во имя Его (см.: Мф. 18, 20), преподобный Феодор утверждал, что и трое православных составляют Церковь: «Не будем подавать соблазна Церкви Божией, которая может состоять и из троих православных, по определению святых».

Таким образом, мы, будучи православными, не только не обязаны слушаться тех клириков, которые учат непонятно чему, определяя новые догматы и предлагая доселе неизвестные учения, но даже за пастырей таких не почитать: «Мы имеем заповедь от самого апостола, что, если кто станет учить или повелит нам делать паче, еже мы приняли, паче, еже в правилах, бывших по временам соборов Вселенских и Поместных, того не должно принимать и не должно считать его в числе святых; не станем произносить того тягостного слова, которое он изрёк».

Приведём ещё один эпизод, касающийся противостояния преподобного Феодора Студита и его учеников тем, кто требовал послушания своим заблуждениям.

Так, когда император вознамерился оправдать и восстановить на соборе «прелюбодейного» иеромонаха Иосифа^[73], студиты вновь начали решительно противиться этому, несмотря на все те мучения, которые они претерпели во время первых гонений за истину.

Желая склонить студийских иноков на свою сторону, царь собрал их во дворце, дабы говорить с ними. Выделив среди монахов самых видных и образованных, царь попытался склонить их к разрыву с преподобным

Феодором – их духовным наставником (которого перед этим он сослал на один из Принцевых островов[74]). Но все его попытки не увенчались успехом, так как доводы эти были ими полностью отвергнуты. Тогда, выйдя к иноческому собранию, он пошёл на следующую уловку: предложил тем, кто желают послушаться его советов «и стать сопричастными патриарху и соборной Церкви», встать одесную его, а тем, кто упорствуют и остаются при своём мнении, избрать левую сторону. Он думал, что таким ухищрением сможет ввести в заблуждение и привести к абсолютному послушанию тех, кто всё на свете оставил ради божественного послушания, «для божественной, по послушанию, непорочной жизни».

Но, когда все, как один, иноки стали не колеблясь по его левую руку, автократор, поражённый таким «дерзновенным исповеданием», пришёл в ярость и отдал приказание разослать всех монахов по ближайшим обителям, «чтобы они охранялись надёжнейшей охраной как не слушающиеся царских и священнических приказаний».

Преподобный Феодор Студит (†826), внеся неоценимый вклад в то, чтобы наконец настало время Торжества Православия, немного не дожидаясь этой радости, представившись ко Господу незадолго до Собора 843 года, на котором праведной царицей Феодорой[75] было окончательно восстановлено почитание святых икон. Впрочем, и другой угодник, преподобный Иоанн Дамаскин (†754), много потрудившийся для того, чтобы привести Церковь к торжеству VII Вселенского Собора (787), также не увидел плодов своей неусыпной борьбы за истину в первый период иконоборчества. Но этот триумф Православия стал возможным во многом благодаря именно их деятельности, направленной на поддержку православного вероучения среди монашествующих, против которых яростно восставали иконоборцы. Ибо как раз иноки, в противоположность нередко податливым и обмирщенным церковным властям, всегда возглавляют борьбу за чистоту веры. Если бы и сегодня церковное священноначалие, а также идущее в ногу с ним и со временем, во многом обмирщенное монашество противодействовали всем нововведениям и уклонениям от истины так, как это делал преподобный Феодор Студит, то не признавался бы и не благословлялся бы не только третий, но и второй брак; и дело бы никогда не дошло до приятия и признания браков с инославными; некоторые наши клирики (в особенности безбрачные) никогда бы не превратились в посмешище и позор для Православия, не стали бы так горестно походить на католических – своей распущенностью и порочностью; премьер-министр Греции[76], имея законную супругу и детей, никогда бы не посмел появиться на трапе самолёта со своей любовницей перед всем честным народом! (И ведь ни разу из уст церковных, накрепко затворённых из-за нравственного убожества и духовного упадка, не прозвучало в связи с этим ни единого слова возмущения или же осуждения поступка главы правительства.)

Самое прискорбное, что большинство насельников, безбедно живущих в щедро финансируемых государством и Евросоюзом обителях, а также на пожертвования верующих, успокаивают себя тем, что они, дескать, молятся, исполняют свой духовный долг, – а в это время вера православная ниспровергается, экуменизм же и сопутствующие ему вседозволенность и распущенность укрепляют свои позиции.

В одном из своих посланий святой Феодор Студит обращается к таким безучастным инокам, которые не решаются вступить в борьбу за истину, ибо превыше всего ценят тихое монастырское жительство (ситуация до боли знакомая –

ведь и в наши дни во многом происходит то же самое): «И почему же мы предпочитаем Богу обители и страданию за благо – здешнее благополучие?»

Получается, что многим предпочтительнее спокойная, беззаботная жизнь в монастырях, нежели послушание заповедям Божиим. Те, кто прячутся за стенами обителей и, имея монастырские должности, предпочитают отсиживаться тогда, когда надо защищать истину, – предают веру и губят свою душу, дороже которой ничего нет. Таким образом, недостаточно, чтобы мы только в глубине души были православными – следует и внешне проявлять это. В связи с этим преподобный Феодор назидает одного из игуменов: «Поэтому, возлюбленный брат, если желаешь быть между нами, смиренными, то откажись от обладания монастырём, как ты обещал; к этому мы и убеждаем тебя, об этом и молимся, чтобы ты был православным как изнутри, так и извне, спасая почтенную душу свою, с которою не может сравниться ничто видимое».

Из всего этого следует, что не должно пребывать в бездействии и безмятежности многим духовникам, игуменам и старцам, которые удерживают своих чад от участия в борьбе против экуменизма – вместилища всех ересей и заблуждений. Ведь такая позиция идёт вразрез со всей историей православного монашества. Так, когда царь Анастасий[77], преданный евтихианской[78] и манихейской[79] ересям, решил поддержать злочестие монофизитов, преподобные Савва[80] и Феодосий «пламенно восстали в защиту веры, <...> они готовы скорее претерпеть смерть, нежели изменить что-нибудь из постановленного».

Не является исключением и святой Феодор. Обращаясь к иконоборческому собору, он дерзновенно исповедует свою веру, от которой его никто не сможет отворать. Ничто не могло поколебать веру преподобного и убедить его пребывать в послушании еретикам и в общении с ними – он даже предпочитает умереть, нежели отказаться от своих убеждений: «Наконец, как бы ни было угодно вашей власти, наше смирение готово скорее страдать до смерти, чем отречься от нашего искреннего исповедания».

Иноки должны являть подобную непоколебимость и силу своей веры, решительно препятствуя любому, даже малейшему нововведению или уклонению в веру. Это и есть их дело. «Итак, принадлежащие к монахам в настоящие времена пусть покажут это делами. А дело инока – не допустить ни малейшего нововведения в Евангелии, чтобы, подав мирянам пример ереси и общения с еретиками, не подвергнуться ответственности за их гибель».

Таким образом, ревнитель Предания указывает и на их ответственность, особенно в отношении дурного примера для мирян, – ведь если инок не будет всё почитать за сор, тогда что же должен делать мирянин, имеющий определённые обязанности перед своей семьей? «Если монашеский чин не вменит вся в “уметы” (Флп. 3, 8), то есть монастыри и всё находящееся в них, то как мирянин оставит жену, детей и всё прочее?» И последнее: из жития преподобного Феодора Студита становится для всех очевидным, что не столько знание церковного Предания имеет великую ценность, сколько твёрдое следование Преданию и соблюдение всего, что было воспринято от святых отцов. Как были они правы, когда учили абсолютной непоколебимости в вопросах веры и совершенно возбраняли даже малейшее отступление в догматических и нравственных вопросах.

Именно это незыблемое стояние за истину сохраняло в первозданной чистоте веру нашу вплоть до XIX века. В дальнейшем, к сожалению, повсеместно утвердилось господство модернистского духа, детища западного Просвещения. А затем, с начала XX века, постепенно получила распространение всеересь экуменизма, которая сегодня почти полностью одержала верх, завладев умами представителей официальной Церкви и получив неограниченный доступ в церковные учебные заведения.

Всё это привело к отвержению Предания, даже самого Евангелия, к догматическому и моральному минимализму. Яркие примеры тому – попытки[81] доказать православность монофизитов Диоскора[82] и Севира[83]; декларирование того, что католическая церковь – это церковь-сестра; в нравственной же жизни – оправдание добрачных отношений и даже дискуссия о возможности признания однополых браков.

6) Преподобный Симеон Новый Богослов и святитель Марк Евгеник

И, наконец, приведём мнения преподобного Симеона Нового Богослова[84] и святителя Марка Ефесского[85] по интересующей нас теме.

Обращаясь к будущим монахам, преподобный Симеон советует им быть очень внимательными и осторожными в выборе старца-учителя, у которого они будут находиться в послушании и воле которого будут покорны. Ибо велика вероятность повстречать неопытного и подверженного страстям наставника, и, вместо того чтобы научиться ангельскому житию, они будут научены дьявольскому, «ибо у добрых учителей и уроки бывают добрые, а у худых – худые; от худых же семян и произрастания бывают всегда худые».

Со слезами и многими мольбами следует просить Господа послать нам бесстрастного и святого духовного руководителя. Но даже найдя такого, как нам кажется, человека (что весьма нелегко), каждому из нас надо внимательно исследовать Священное Писание и творения святых отцов, дабы, взяв их за основание, судить о том, чему учит и что делает духовник, как поступает в тех или иных случаях. И только тому, что будет согласным с Писанием, – станем послушны; то же, что окажется противным ему, – следует отметить как ложное и чуждое. Это совершенно необходимо и даже насущно, ибо в наше время появилось множество прелестников и лжеучителей. «Молитвами и слезами умоли Бога послать тебе руководителя бесстрастного и святого. Исследуй же и сами Божественные Писания, и особенно деятельные писания святых отцов, чтоб, с ними сличая то, чему учат учитель и настоятель твой, мог ты, как в зеркале, видеть, насколько они согласны между собой, и согласное с Божественными Писаниями принимать и удерживать в мысли, а несогласное, рассудив добре, отлагать, чтобы не прельститься. Ибо знай, что во дни сии много явилось прелестников и лжеучителей».

Ранее подобное наставление давал послушникам преподобный Иоанн Лествичник[86] – дабы избежать им опасности послушания худому старцу: «Искусить сего кормчего, чтобы не попасть нам вместо кормчего на простого гребца, вместо врача на больного, вместо бесстрастного на человека, обладаемого страстями, вместо пристани в пучину, и таким образом не найти готовой гибели».

Итак, **святые едины во мнении, что послушание должно быть не безрассудным, но рассудительным**; его, без сомнения, следует оказывать не всем духовным наставникам, но только святым и бесстрастным, да и то, после внимательного, основанного на святоотеческом учении, должного испытания слов и дел духовника...

В одном из своих посланий святой апостол Павел поучает нас: «Завещаем же вам, братия, именем Господа нашего Иисуса Христа, удаляться от всякого брата, поступающего бесчинно, а не по преданию, которое приняли от нас» (2 Фес. 3, 6).

Поэтому, например, и авва Пимен велел одному подвижнику немедленно прекратить всякое обучение со своим старцем, поскольку продолжение их совместного жительства было бы для того монаха душевредным – по причине нарушения его духовником нравственного Предания Церкви.

Составитель жития преподобного Симеона и его ближайший ученик, святой Никита Стифат[87], сообщает одну интересную для нас подробность. Дабы всецело предаться божественной исихии – молчанию и созерцанию, преподобный Симеон передает духовное руководство киновией[88] своему сподвижнику Арсению и побуждает иноков пребывать в послушании новому игумену, памятуя наказ святого апостола Павла: *«Повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны»* (Евр. 13, 17). Но при этом преподобный уточняет, что **такое послушание должно быть с рассуждением**, а вовсе не беспрекословным или абсолютным: *«А во всём том, что не противоречит заповеди Божией, апостольским установлениям и правилам, надлежит вам всячески повиноваться ему и слушаться его как Господа. Но во всем, что грозит опасностью Евангелию и законам Церкви, не следует слушаться ни его наставлений и повелений, ни даже и ангела, если бы внезапно сошел он с неба, благовествуя вам не то, что благовествовали самовидцы Слова (см.: Гал. 1, 8)»*.

Необходимым условием покорности и послушания старцу является его духоносность. Только в том случае, если мы убеждены, что наш наставник имеет причастие Святого Духа, следует находиться у него в беспрекословном послушании. В противном случае мы слушаемся не Бога, а человека, и делаемся не рабами Божиими, но невольниками людей.

Те духовники, которые, не будучи сосудами Духа Святого, изображают из себя святых, многих ведут к гибели. Напрасно здесь некоторые вспомнят о преподобных Захарии или Акакии, о том, что они были в послушании у неискусных старцев. Ведь они достигли спасения только благодаря тому, что подвизались, руководствуясь советами других духоносных отцов, поэтому и могли оставаться во внешнем послушании у тех, «недостаточных», старцев. Впрочем, это случай из ряда вон выходящий...

Святитель Марк Ефесский вошёл в историю как бесстрашный исповедник, борец за чистоту православного учения и яростный противник католичества, как антипапа (так его именует в своей одноимённой книге преподобный Афанасий Парийский[89]). И вряд ли кто-то посмеет упрекнуть его в непослушании и непокорности за то, что он, единственный из всего константинопольского епископата, не послушался решений Ферраро-Флорентийского униатского собора[90] и сохранил истину Православия, несмотря на все унижения и оскорбления со стороны католиков и латинствующих православных (которые суть не что иное, как подобия нынешних экуменистов).

Тем не менее «грамотные» экуменисты пытаются исказить облик святого Марка и извратить саму историческую действительность, ибо для оправдания своих тесных и постоянных контактов с католиками и лояльного отношения к папе они дерзко и неправомерно апеллируют к святителю, ссылаясь на то, что сказал святой Марк, обращаясь с приветственной речью к римскому понтифику в самом начале деятельности собора.

Действительно, тогда Ефесский митрополит, как, впрочем, и вся православная делегация, ещё питал благовую надежду на то, что они всё-таки сумеют убедить католиков публично отречься от своих заблуждений и принять истину православной веры. Поэтому с великим рассуждением и, несомненно, икономии ради, на открытии собора он действительно говорил весьма учтиво и кротко, дабы оказать честь и уважение папе и, по возможности, привлечь заблудших.

Но во время долгих заседаний собора святитель Марк убедился в том, что католики, несмотря на множество приведённых им богословских аргументов, совершенно закоесли в ереси и упорствуют в своих заблуждениях; увидел, что всюду безраздельно царят эгоизм, самодовольство и надменность; удостоверился в светском образе мыслей латинян, их мирском умонастроении и властолюбию. И после этого святой, невзирая на то, что работа собора ещё продолжалась, решительно заявил православной делегации, «что латиняне не только раскольники, но и еретики. И об этом Церковь наша умолчала, вследствие того, что их племя велико и сильнее нашего».

В ответ на это некоторые сказали: «Невелико различие между нами и латинянами, и, если наши захотят, оно легко будет исправлено».

Когда же святитель заметил, что отличие на самом деле большое, то они ответили ему: «Это не ересь, и ты не можешь назвать это ересью, ибо и никто из бывших прежде тебя образованных и святых мужей не называл это ересью».

И тогда святой Марк категорически изрёк: «Это ересь, и так смотрели на неё и наши предшественники, но не хотели обличать латинян как еретиков, ожидая их обращения и заботясь о сохранении любви; и, если хотите, я покажу вам, что они считали их еретиками».

То же утверждал исповедник и в одном из своих посланий: «Мы отворотились от них, как от еретиков, и поэтому отмежевались от них... Ясно – что они еретики, и мы отсекаем их как еретиков».

Итак, католицизм есть **ересь** – вот единодушная оценка святых отцов и учителей Церкви со времён святителя Фотия[91]. Посему продолжению и

неизменности сей единогласной святоотеческой позиции – так называемому согласию отцов (consensus Patrum)[92] – наносят большой урон и приносят немалый вред те нынешние иерархи (причём даже и самые высокопоставленные), которые утверждают, что католичество вовсе не ересь, а сама католическая церковь не просто церковь, но ещё и «сестра». (Происходит это либо по неведению, которое, впрочем, врачуетя знанием, либо по убеждению и вследствие латинумудрия – и тогда это состояние совершенно безнадежное и ничем непоправимое.)

Этим они уничижают Единую Святую Кафолическую и Апостольскую Церковь, ибо ставится под сомнение тот неоспоримый факт, что только она одна является Церковью Христовой, в которой возможно спасение верующих, а также упраздняются пределы вечные, которые положили отцы наши.

По возвращении делегации из Флоренции и восторженной встречи святителя Марка верующими Константинополя, латинствующим православным (прообразы нынешних экуменистов) отправили его в ссылку на остров Лемнос[93] (1440–1441), чтобы не иметь в лице святого преграду для проведения в жизнь решений униатского разбойничьего собора и чтобы слово его не звучало открыто.

Что же сделал в этой ситуации святой Марк? Может, он подчинился латинумудрствующему патриарху Митрофану[94] и его преемнику Григорию[95] и продолжил поминать их за богослужением с тем, чтобы его не посчитали непослушливым или же устройтеlem схизмы[96]? (Те, кто пренебрегают евангельской и святоотеческой истиной и акривией и предпочитают быть угодными не Богу, а людям, посоветовали бы ему поступить именно так.)

Напротив, премудрый в божественном и непоколебимый в убеждениях архипастырь не только прервал церковное общение с латинствующими, но и незадолго до своей блаженной кончины, уже на смертном одре, завещал, чтобы никого из еретичествующих епископов или клириков и находящихся с ними в общении не было на его погребении, панихидах и заупокойных литиях. Тем самым он желал избавить верующий народ от всякого смущения или же обольщения, поскольку, в противном случае, со стороны могло показаться, что негласно, быть может, украдкой, святитель Марк всё же признавал общение с патриархом и иже с ним.

Святой решительно заявил, что не желает иметь ничего общего с латинумудрствующими ни в сей жизни, ни после своей кончины, поскольку убедился, что чем больше он отдаляется от патриарха и ему подобных, тем больше приближается к Богу и Его святым. В своём предсмертном слове святитель Марк говорит, что следует прервать всякую связь с латинствующими (читай, экуменистами) до тех пор, пока Господь Сам не управит и не умиротворит Свою Церковь:

«Скажу же о патриархе[97], чтобы не подумалось ему, быть может, оказать мне некую честь в погребении смиренного этого моего тела или в панихидах по мне послать кого-нибудь из своих архиереев, или своего клира, или вообще

кого-нибудь из находящихся в общении с ним для того, чтобы принять участие в молении или присоединении к священнослужителям из нашего удела, приглашённым на сие, подумав, что когда-то или же тайно я допускал общение с ним. И чтобы моя безгласность не дала не знающим хорошо и полностью моих взглядов повода заподозрить некое соглашательство, я говорю и свидетельствую пред многими находящимися здесь и достойными мужами, что я совершенно и никоим образом не хочу и не принимаю общения с ним или находящимися с ним ни в этой моей жизни, ни после смерти, как не принимаю ни бывшей унии, ни латинских догматов, которые он принял сам и его единомышленники, и ради провозведения которых занял это председательское место, с целью низвержения правых догматов Церкви. Я совершенно уверен, что насколько дальше я стою от него и подобных, настолько бываю ближе к Богу и всем святым; и насколько отделяю себя от тех, настолько бываю в единении с истиной и со святыми отцами, богословами Церкви; а также я убеждён, что причисляющие себя с теми[98] далеко отстоят от истины и блаженных учителей Церкви. И посему говорю: как в течение всей моей жизни я был в разделении с теми, так и во время отшествия моего, да и после моей смерти, я отвращаюсь от обращения и единения с ними и клятвенно заповедую, чтобы никто (из них) не приближался ни к моему погребению, ни к панихидам по мне, а также (и в отношении) кого иного из нашего удела, с целью попытки присоединиться и сослужить в наших (богослужениях), ибо это означает смешать то, что не может быть смешанным; но им подобает быть совершенно в разделении с нами до тех пор, пока Бог не дарует исправление и мир Своей Церкви».

Глава 5

ИМЕЕМ ЛИ МЫ ПРАВО ГОВОРИТЬ?

В настоящее время, к сожалению, положение дел в Церкви таково: священноначалие заставляет молчать тех, кто твёрдо придерживается церковного Предания и православных традиций – для того чтобы полностью восторжествовали доводы экуменистов и обновленцев; чтобы народ оставался непросвещённым, без какого бы то ни было руководства; чтобы не существовало подлинного диалога, обмена мнениями и аргументами, благодаря которым сразу бы открылась истина.

Церковные власти не приемлют даже конференций, организуемых нами в университетской среде; они полагают, что и их нельзя проводить без благословения, поскольку втайне желают, чтобы мы, проявив послушание, перестали проповедовать и свидетельствовать слово истины, которое во все времена раздражало и до сих пор продолжает раздражать тех, кто не хочет ему следовать.

Но если руководствоваться подобной логикой, то, наверное, и Христу, чтобы говорить с народом, надлежало иметь дозволение Анны и Каиафы, книжников и фарисеев? Быть может, Ему и ученикам Его следовало пребывать в послушании первосвященникам? Ведь архиереи запрещали апостолам

проповедовать Христа, как и сегодня многим возбраняют говорить о святом Православии: «Приказали им отнюдь не говорить и не учить о имени Иисуса» (Деян. 4, 18).

В истории Церкви еретичествующие патриархи и иерархи не раз отправляли в темницы и ссылки исповедников веры, дабы господствовало только их «богословское» мнение.

Так, святитель Григорий Богослов вынужден был служить в небольшой домовой церкви святой Анастасии, в то время как остальные храмы Константинополя были в руках ариан – епископов и духовенства, которые проповедовали в них нечестие. Что же, и святому Григорию следовало брать разрешение на произнесение своих замечательных богословских слов и на то, чтобы вернуть православное учение в захваченный арианами Царьград?

Не кажется ли вам, что и в наши дни Церковь заполнили лжеучители и во всю здесь хозяйничают? Что и сегодня в храмах редко услышишь православное слово – подлинное, без каких-либо примесей и привношений извне? Что в Церкви ныне орудуют еретики-экуменисты, и получается, что у них мы должны брать разрешение или благословение на то, чтобы освободить Церковь от экуменического пленения?

Православие – единая истинная вера, которая проповедует и возвещает подлинное имя Христово. Все иные вероисповедания, как говорил священномученик Косма Этолийский^[99], суть ложные учения, заблуждения и ереси. Но именно им сегодня позволено всё, созданы все условия для того, чтобы посредством всевозможных средств массовой информации, печатных изданий и телевидения делать своё грязное дело – вести борьбу против Евангельской истины и святого Православия.

Тем, кто пытается уничтожить, предать забвению, запретить православное учение, мы хотим адресовать слова, с которыми в своё время святые апостолы обратились к иудейским архиереям, как видно, продолжающим существовать и в наши дни, однако в несколько ином облики: «*Должно повиноваться больше Богу, нежели человекам*» (Деян. 5, 27–29)!

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ФУА – крупнейший на Балканах университет, основан в 1924 г., начал функционировать с 1926 г.; насчитывает семь факультетов, учатся в нём около 95 тыс. студентов; богословский факультет был открыт в 1942 г.

[2] Тасос – остров в северной части Эгейского моря, у побережья Фракии.

[3] Панайот Христу (1917–1996) – профессор Фессалоникского университета, доктор богословия; в 1966–1967 гг. был министром Северной Греции, в 1973–1974 гг. – министром образования; в 1966–1989 гг. – директор патриаршего Института патриотических исследований; в 1989–1994; – директор Центра богословских и святоотеческих исследований.

[4] **Святитель Геннадий II Схолярый** (1405– после 1472) – *патриарх Константинопольский* (1453–1460). Родился в Царьграде и был крещён с именем Георгий. Получил классическое образование. Преподавал в Константинополе логику и физику, затем занимал пост судьи и императорского секретаря; в этом качестве, в свите царя Иоанна VIII (1425–1448) и патриарха Иосифа II (1416–1439), ездил на Ферраро-Флорентийский собор (1438–1439), выступая на нём с поддержкой унии. Но по возвращении примкнул к главному противнику унии – святителю Марку Ефесскому (1392/93–1444/45), своему духовному отцу, после смерти которого стал борцом с унией и написал ряд полемических сочинений. При императоре Константине XI (1449–1453) постригся в монахи и жил в Харсианитской обители. Осудил возобновление унии в 1452 году. После падения Константинополя и гибели патриарха Афанасия II (1450–1453) был избран новым предстоятелем Церкви и всячески стремился облегчить участь подвластных. Султан Мехмед (Магомед) II Фатих (Завоеватель) (1444 и 1451–1481) утвердил его избрание, предоставив полную самостоятельность в делах церковных и гражданских – в его ведении находилось всё православное население Османской империи; при этом на него была возложена вся ответственность за поведение христиан. Достигнутое им соглашение с султаном Мехмедом определяло отношения Церкви с мусульманскими властями вплоть до 1923 г. Султан высоко ценил святого, не раз беседовал с ним на религиозные темы; по просьбе Мехмеда он составил «Исповедание», излагающее христианское учение; оно имело большое значение на Востоке, много раз переиздавалось и было переведено на многие языки, в том числе турецкий и арабский. В конце жизни удалился в монастырь Продрома около г. Серры, где почил и был похоронен.

[5] Монастырь Влатадов (Влатадон) основан в 1355 г. братьями Влаталами – Дорофеем и Марком, иноками с Крита, учениками святителя Григория Паламы (1296–1359), который почил в этой обители; является ставропигиальным и относится к юрисдикции Константинопольского патриарха; наместник – Пантелеимон, митрополит Тиролойский и Серентийский. По преданию, на площади нынешнего монастырского храма, в его южной части, находится место, с которого проповедовал святой апостол Павел († 67). По другой версии, обитель была основана в том месте возле городских стен, где когда-то спешно покидал город апостол, преследуемый своими соплеменниками.

[6] **Константинопольская Церковь (Вселенская патриархия)**, своё апостольское преемство ведёт от святого апостола Андрея Первозванного († ок. 37), поставившего епископом в местечке Византий апостола от семидесяти Стахия (38–54). Уже в 381 г. II Вселенский Собор отводит ей в диптихе Церквей второе место после Римской. А IV Вселенский Собор (451) признал её равночестной с Римской. С отпадением Рима в 1054 г. Константинопольская Церковь стала занимать в диптихе первое место. После того как в VII в. Египет, Палестина и Сирия были завоёваны персами, а затем, уже окончательно, арабами, и эти области подпали под власть ислама, единственной в Империи патриаршей кафедрой оставалась Константинопольская, поэтому она и стала именоваться «**Вселенской**», ведь вселенной – *ойкумена* – называлась и сама Империя. Несмотря на то, что уже с конца V в. титул «Вселенский» встречается

применительно к предстоятелям Константинопольской Церкви, официально патриархи носят его начиная с Германа II (1222–1240). С 1991 г. 232-м её предстоятелем является святейший Варфоломей (Архондонис); резиденция патриархов (с 1601 г.) находится в районе Фанар (Константинополь). Каноническая территория – Турция, часть Греции (Крит и некоторые острова Додеканиса), а также епархии в странах Западной Европы, Северной и Южной Америки, Австралии и Новой Зеландии, а также **Афон**. К его юрисдикции относится и Финляндская Автономная Церковь.

[7] Обитель великомученицы Анастасии основана в IX в. в той местности, где, по некоторым данным, провела последние годы жизни, а затем пострадала *святая Анастасия* († ок. 304); монастырь является ставропигиальным и относится к юрисдикции Константинопольской Церкви; игумен – Апостолос, митрополит Милетский. Заметим, что в греческом языке великомученица Анастасия именуется буквально – освобождающая от чар – она почитается как исцеляющая телесные и душевные болезни, а также как избавляющая от действия ядов и зелий, различных снадобий, в том числе от ведовства и ворожбы. Святой молятся об исцелениях, а также об избавлении от колдовского действия.

[8] **Фессалоника** (в русском языке в старину также *Солунь*, а ныне *Салоники*, от турецк. Selanik) – главный город Северной Греции, обнимающей собой части древних Македонии и Фракии; лежит в северо-восточной части Термейского залива Эгейского моря и является вторым по величине и значению после столицы. По одной из версий город был основан около 315 г. до Р. Х. на месте более древних поселений – Терм – македонским царём Кассандром (317–298) [сыном Антипатра († 319), одного из диадохов Александра Македонского (356–323)], давшим название городу в честь своей супруги Фессалоники, сводной сестры Александра, дочери Филиппа II (382–336), названной отцом в честь победы над соседями – фессалийцами, одним из греческих племён (буквально имя Фессалоника означает «победа над фессалийцами»). Во время второго апостольского путешествия летом 50 г. в Салониках проповедовал *святая апостол Павел* († 67) и основал общину, к которой написал два Послания к Солунянам – самый ранний письменный источник Нового Завета (нач. 50-х гг.). Во время тетрархии, Салоники становятся резиденцией соправителя и зятя Диоклетиана (284–305, (313) – Галерия (292–305 – кесарь, 305–311 – император), который первым в Империи издаёт эдикт о свободе вероисповедания (311). Здесь пострадал святой *великомученик Димитрий* († ок. 306), родились святые *равноапостольные Кирилл и Мефодий* (IX в.), священнодействовали великие *богословы-святители Григорий Палама* (XIV в.), *Николай Кавасила* (XIV в.), *экзегет Симеон Солунский* (XV в.), подвизался канонист иеромонах *Матфей Властарь* (XIV в.). С 1430 по 1912 гг. город находился в руках турок. Салоники разделены на епархии: 1) Фессалоникскую, 2) Ставрупольскую и Неапольскую и 3) Ново-Кринийскую и Каламарийскую. [Македония (Эматия) – государство, существовавшее с V в. до Р. Х. в центральной части Балканского полуострова. В войне с Римом последний македонский царь Персей был разбит в битве при Пидне (168 г.), и Македония была разделена на четыре округа, а в 148 г. превращена в римскую провинцию. До V в. до Р. Х. столицей Македонии были

Эги (ныне Вергина), а затем Пелла – родина Александра Македонского. В результате Балканских войн (1912–1913) Македония была разделена между Сербией (Вардарская Македония), Грецией (Эгейская Македония) и Болгарией (Пиринский край). Фракия – область на северо-востоке Греции, граничит с Турцией и с Болгарией и является юго-западной частью исторической Фракии, северо-западная часть которой принадлежит Болгарии, а восточная – Турции].

[9] **Константинополь** (древнерус. и слав. – *Царьград*) – столица Византийской Империи. Основан 8 ноября 324 г. (освящён 11 мая 330 г.) на европейском берегу Мраморного моря, у залива Золотой Рог пролива Босфор, на месте мегарской колонии Бизант(ий) святым равноапостольным Константином I (306–337), который по преданию лично наметил копьём на земле границы будущего города. Перенесение столицы из Рима (основан в 753 г. до Р. Х. Ромулом) вызвало бурный рост города, получившего вначале название Новый Рим (Nova Roma). Для большего сходства с Римом на территории города было найдено семь холмов. В 1204–1261 гг. город был столицей Латинской империи. С конца XIV в. турки не раз пытались овладеть им. После длительной осады во вторник 29 мая 1453 г. Константинополь пал, став до 1923 г. столицей Османской империи. С 395 г. эта часть империи именовалась Восточной Римской империей или просто Империей (в особенности после падения Рима в 476 г.), а в 1562 г. Иероним Вольф (J.Wolf) из Гёттингена, издавший тексты византийских историков (*Corpus Byzantinae Historiae*), впервые употребил новый термин – **Византия**.

[10] В Греции было два крупных церковных центра – **Фессалоники** и **Коринф**, находящиеся в юрисдикции Рима. Со времён Диоклетиана (284–305) Греция с ближайшими островами составляла часть префектуры Восточный Иллирик (Иллирия), которая с 364 г. относилась к Риму. Со времени окончательного раздела империи при Феодосии Великом (379–395) Иллирик отошёл к Восточной империи, но оставался в церковном подчинении Риму. Столицей префектуры были Фессалоники (с конца IV в.). Поэтому Солунский епископ начал добиваться власти над другими епископами Греции. Для этого уже в 381 г. епископ Фессалоникский Ахолий устанавливает прямые отношения с папой Дамасом (366–384) и действует как его викарий; а в 385 г. папа Сириций (384–398) даёт другому Солунскому епископу Анисию право утверждать всех иерархов в Восточном Иллирике. Этим на Балканах фактически устанавливался патриархат, глава которого – епископ Фессалоникский – был подчинён папе. Власть эта, именуемая папским викариатством в Иллирике, была подтверждена папой Иннокентием I (402–417), а затем Вонифатием I (418–422). Свидетельством особой роли Солунского епископа служит тот факт, что он с тех времён носит титул «Святейшего», который присущ только Вселенскому патриарху. В 421 г. император Феодосий II (408–450) перевёл Фессалоники в ведение Константинополя; однако протесты папы заставили его отменить своё решение. Таким образом, Римские понтифики сохраняли свою юрисдикцию в Фессалониках до VIII в., пока император Лев II (717–741) из-за поддержки папой Григорием III (731–741) гонимого на Востоке иконопочитания не отнял у них Восточный Иллирик, подчинив его Вселенскому патриарху Анастасию (730–754) и упразднив папское Солунское викариатство (ок. 732 г.). Окончательно Греция

становится частью Константинопольской Церкви в 880 г. Как в политическом отношении Эллада составляла основную часть Византийской империи, так и в церковном – главную часть Вселенского престола. Тяжелым было время латинского господства (1204–1261). В Коринфе, Афинах и в других важнейших городах были поставлены католические епископы, подчинявшиеся латинскому Константинопольскому патриарху. Особенно тяжёлым было положение островитян. Более других под властью католиков находились Крит (до 1669 г.) и Корфу (до 1799 г.). Католическое господство сменилось турецким в XIV–XV вв. Епархии Греции в это время были подчинены Константинопольскому патриарху. В 1833 г., после обретения Грецией независимости (1830), по политическим причинам была неканонично провозглашена автокефалия Элладской Церкви. Только в 1850 г. Константинопольская Церковь даровала ей каноническую автокефалию. Элладская Церковь – это единственная Поместная Церковь, во главе которой находится Синод, а не предстоятель: Афинский архиепископ является лишь председателем Синода, 12 членов которого ежегодно избираются, и все архиереи Элладской Церкви (88 иерархов, среди них 11 – титулярные и викарные) с определённой периодичностью участвуют в работе Синода, тринадцатым членом которого является архиепископ Афинский. Из 80 епархий Элладской Церкви 36 духовно подчиняются Вселенскому патриарху – это те митрополии в северной и островной Греции, находящиеся на территории так называемых Новых Земель, которые были освобождены от турок уже после обретения Элладской Церковью автокефалии.

[11] Баламандская уния. 17–24 июня 1993 г. на богословском факультете Университета Баламанд (область близ Триполи, в северном Ливане) проходило VII пленарное заседание Смешанной международной комиссии по богословскому диалогу между католиками и православными, представлявшими Церкви Константинополя, Александрии, Антиохии, России, Румынии, Кипра, Албании, Польши, а также Франции. Комиссия занималась теоретическими и практическими вопросами, возникшими в результате деятельности униатских организаций, активизировавшихся в Центральной и Восточной Европе. Результатом работы явился документ, проект которого был разработан координационной комиссией ещё в 1991 г.: «Уния – старый метод объединения и нынешний поиск полноты общения». Хотя в нём уния, как отошедшая в прошлое модель объединения, отвергается, однако признаётся право на её дальнейшее существование; реинтерпретируется православная экклесиология, поскольку римо-католическая церковь признаётся сестринской, а ее таинства – действительными и благодатными. Многие утверждают, что речь идёт о заключении новой, Баламандской унии.

[12] Блаженнейший Христодул (Параскеваидис) с 28 апреля 1998 г. по 28 января 2008 г. являлся архиепископом Афинским и всея Эллады, главой Элладской Православной Церкви. 21-м предстоятелем Церкви ныне является блаженнейший архиепископ Иероним (Ляпис), бывший митрополит Фивский и Левадийский.

[13] Димитриадская и Алмиросская митрополия находится в Фессалии (район в центре восточной части континентальной Греции), кафедра – г. Волос, административный центр префектуры Магнезия.

[14] **Экуменическое движение** окончательно организационно оформилось на I Генеральной ассамблее церквей в Амстердаме (1948), где был создан Всемирный совет церквей (ВСЦ) – орган, объединяющий и координирующий деятельность участвующих в экуменическом движении религиозных организаций – их около 300, они преимущественно протестантские (католики не участвуют в ВСЦ). В деятельности ВСЦ также участвуют все Поместные Православные Церкви, за исключением Грузинской (вышла из состава ВСЦ 19.05.1997) и Болгарской (прекратила своё участие 09.04.1998).

[15] **Синкретизм** – беспринципное и неметодичное смешение, соединение, неорганическое слияние и взаимопроникновения разнородных элементов, например различных культов и религиозных систем, вероучительных и культовых положений, объединение в одной доктрине элементов различных религий, религиозных представлений разных народов. Синкретизм близок к **эклехтизму**; последний старается выделить из различных систем принципы и органически связать их в одно целое, в то время как синкретизм соединяет разнородные начала, не давая им истинного объединения. Это проявилось в александрийской философии, у Филона Александрийского, у гностиков и др., пытавшихся соединить греческую философию с восточными учениями. Попытки единения разнородных религиозных систем обычно имеют следующие направления: во-первых, соединение несовместимых учений (например, атеизма и теизма, христианства с буддизмом); во-вторых, объединение различных учений посредством отсеечения противоположных идей (или придания им особого смысла, согласного с другими учениями); и, наконец, возвышение над учениями, свойственное оккультному синкретизму (все религии и учения объявляются обладающими частью истины или частной истиной, полнота присваивается той доктрине, под эгидой которой предполагается объединение верований).

[16] **Экуменическое движение**, или иначе **экуменизм** (от греч. *ойкумена* – обитаемый мир, Вселенная), – движение христианских исповеданий к единству в вере, к устранению разобщённости между ними и сплочение церковных сил в международном масштабе. Возникло по инициативе протестантских церквей США и Западной Европы в начале XX в. Декларируемыми целями экуменического движения являются усиление влияния религии и выработка общехристианской социальной программы, пригодной для верующих, живущих в странах с различными общественными системами, а также сотрудничество с христианами разных конфессий в социальной сфере, в различных программах гуманитарного характера. По другому мнению, **экуменизм** – это религиозное течение, ставящее своей целью объединение посредством компромиссов, взаимных уступок всех существующих религиозных течений, сначала христианских, а далее и всех остальных, в единую, экуменическую церковь. В связи с тем, что в протестантском мире по-разному понимают экуменизм, а многое из того, что принято ВСЦ, не

соответствует учению Церкви, православные представители предпочитает говорить не об участии в экуменическом движении, а о многостороннем межхристианском богословском диалоге – в надежде на возвращение заблудших в лоно Церкви. Однако Московское совещание глав и представителей Автокефальных Православных Церквей ещё в 1948 г. дало отрицательную оценку экуменическому движению в целом и сочло нецелесообразным участие в нём Русской Православной Церкви.

[17] Визит понтифика в Грецию состоялся 4 мая 2001 г.

[18] Кроме Греции, покойный папа Иоанн Павел II посетил также другие православные страны – Грузию, Болгарию, Румынию и Украину.

[19] **Содом и Гоморра** (Седом и Амора) – города, ставшие символом порочности и безнравственности, а также Божественного возмездия; Содом ассоциируется, в частности, с грехом содомии; впрочем, развращённостью жителей и дурным обращением с пришельцами отличались оба этих города. Согласно книге Бытия (Быт.19, 24–28), Господь пролил дождём серу и огонь на города равнины Содом и Гоморру после того, как праведному Аврааму не удалось обнаружить в Содоме даже десяти праведников. Кроме этих городов, были истреблены ещё Адма (Адама), Севоим (Цевоим) и, по всей видимости, Сигор. Точное местонахождение этих городов остаётся неизвестным, предполагают, что они покоятся на дне южной части Мёртвого моря – единственного моря, где отсутствует какая-либо жизнь.

[20] **Коринф** – город и порт в Греции, на севере-востоке полуострова Пелопоннес, на Истмийском перешейке (у Коринфского канала). Согласно мифологии, основателем города был Сизиф (Сисиф), за свою хитрость впоследствии наказанный богами вечно вкатывать на гору огромный камень, который, едва достигнув вершины, каждый раз катился вниз (отсюда выражение «Сизифов труд»). В Коринфе проповедовал святой апостол Павел († 67), пробыв в городе полтора года; именно отсюда в начале 50-х гг. он послал два своих послания к Солунянам.

[21] **Святитель Симеон Солунский** († ок. 1429) – византийский богослов и церковный писатель, архиепископ Фессалоникский (после 1410). Возглавил оборону города от турецких завоевателей (Салоники сдались во время второго приступа только после его смерти, в 1430 г.). Известен как автор ряда полемических сочинений, а также трудов, подробно раскрывающих и символически истолковывающих все стороны православного богослужения и церковной жизни, объясняющих назначение и смысл различных церковных обрядов и священных предметов.

[22] **Николаизм** – ересь апостольского века, в отношении которой Христос, через святого апостола Иоанна († ок. 104), дважды изрёк, что учение николаитов и дела их Он ненавидит (Откр. 2, 6; 15). Нет общего мнения в отношении того, кто был Николай и в чём заключалось его учение. Одни в его имени находят то, что могло бы как-то прояснить суть ереси, полагая, что николаиты – это название символическое. Другие, например святители Иринеи Лионский (140–202) и Ипполит Римский († 235), приписывают её происхождение Николаю,

пришельцу антиохийскому, обращенному из язычников, одному из семи диаконов, упоминаемых в Деяниях святых апостолов (Деян. 6, 5), который впоследствии искажил учение Христово, став основоположником ереси. Но есть и те (напр., святители Игнатий Антиохийский (ок. 50 – ок. 107) и Климент Александрийский (ок. 150 – до 250), а также Евсевий Кесарийский (260 – ок. 340)), кто утверждают, что еретики, прикрываясь его именем, извратили смысл слов Николая: «плоть нужно умерщвлять», имевшего в виду, что тело нужно подавлять, попирая страсти и избавляясь от плотских вожделений; что следует, осознав похоть, смирить плоть. Считая материю злом, николаиты учили о необходимости умерщвлять плоть и возвышать дух над материей, побеждая чувственность необычным способом – через удовлетворение страстей, ибо все они, как верили николаиты, даже самые грубые и низкие, естественны и полезны. По учению николаитов, благодать от Бога может получить только согрешающий, поэтому, чтобы получить большую благодать, следует больше грешить. Ересь эта возникла как результат противодействия иудейскому влиянию – её приверженцы отрицали, в частности, ограничения Апостольского собора (49) относительно идоложертвенного и блуда, тем самым проповедуя компромисс с язычеством. Николаизм считают самой первой ересью, предшествующей всем гностическим ересям. Некоторые полагают, что понятием николаизм обозначается плотская греховность духовных лиц.

[23] *Священномученик Игнатий Антиохийский, Богоносец* (ок. 50 – ок. 107) – один из апостольских мужей. Родом сириец; его имя Нуроно означало «огненный» (Игнатий – от латин. ignis – огонь). Полагают, что именно он был тем ребёнком, которого поставил Господь среди народа и сказал, что если не будем, как дети, то не войдём в Царство Небесное (Мф. 18, 1–14). Сказание это впервые встречается у преподобного Симеона Метафраста († ок. 960). Святитель Григорий Двоеслов (590–604) утверждает, что священномученик входил в круг учеников апостола Петра († 64/67), другие отцы считали, что – в круг апостолов Павла († 64/67) и Иоанна († ок. 104). Советом всех апостолов он был поставлен после святого Ввода (57–86), преемника апостола Петра, епископом Антиохии Сирийской (по другой версии, был рукоположен самим апостолом Петром). Его писания относят к памятникам ранней христианской письменности – до нас дошло четырнадцать посланий, в некоторых из них он превозносит епископский сан и требует беспрекословного повиновения епископу.

[24] Протоиерей Георгий Металлинос – профессор богословского факультета Афинского университета, известный современный богослов и выдающийся церковный писатель.

[25] Аттика – префектура на юго-восточной оконечности Центральной Греции, расположенная на одноимённом полуострове, который глубоко вдаётся в Эгейское море и оканчивается мысом Суний. В Аттике находится столица Греции г. Афины.

[26] *Арий* (260– ок. 336) – пресвитер в Александрии, учивший, что Христос не единосущен Богу Отцу, но подобосущен Ему и сотворён Им прежде всех вещей; сделав Его Богом, Отец через Него создал всё сущее, но Сын меньше Отца по Божеству, свойствам и славе, а Дух Святой меньше Сына, Который создал Его

как орудие для сотворения мира. Учение Ария впервые было им сформулировано в 318 г. во время споров с Александрийским архиепископом Александром (312–326). Императоры Констанций II (337–361) и, особенно, Валент (364–378) открыто покровительствовали арианам. Только в правление святого Феодосия I Великого (379–395) арианство было осуждено как ересь Вселенскими Соборами – I Никейским (325) и II Константинопольским (381), а сам Арий отлучён от Церкви и сослан. В Никее был принят Символ веры с антиарианским исповеданием Сына как «от Отца рожденного, несотворенного, единосущного (омоусиос) Отцу», таким образом восторжествовало омоусианство (единосущие Христа Богу Отцу) – учение противоположное арианству, утверждавшее омиусианство (подобосущие). Среди некоторых народов (остготов, вестготов, бургундов, вандалов и лангобардов) арианство сохранялось до VI–VII вв. из-за простоты и близости к понятиям язычников, так как триединство Божества оно, по сути, подменяло иерархией многобожия (Сын меньше Отца, а Дух Святой меньше Сына).

[27] Александрия (араб. Аль-Искандария) – город на севере Египта, в западной части дельты Нила, основан Александром Македонским (332–331 гг. до Р. Х.); во времена Птолемея (330–305 гг. до Р. Х.) – столица Египта и центр эллинистической культуры, средоточие знаменитых ученых и писателей целой эпохи (александрийской). Здесь был создан перевод Ветхого Завета на греческий язык – «Септуагинта» (271 г. до Р. Х.). Александрийская библиотека, хранившая около 500 тыс. свитков, сгорела в I в. до Р. Х. На северной оконечности о. Фарос (сейчас нераздельная часть материка) стоял знаменитый Александрийский маяк (110 м). В 646 г. городом овладели арабы. Апостол Петр († 64/67) рукоположил епископом для Александрийской церкви апостола Марка († 62), который принял здесь мученическую кончину.

[28] **Каппадокия** – область, расположенная в центральной Анатолии (древнее название Малой Азии, относящееся к X в., впервые употреблено императором Константином Багрянородным (945–959)). [Малая Азия – самый западный полуостров Азии, ограниченный на севере – Черным и Мраморным морями, Константинопольским и Дарданельским проливами, на юге – Средиземным, на западе – Эгейским морем, а на востоке – Арменией. Название Малая Азия появилось в начале V в. по Р. Х.]. Каппадокийцами именуется жившие в IV в. святители Василий Великий (330–378), Григорий Нисский (335–394) (были родными братьями), Григорий Богослов (300–391) (Назианзин; друг святого Василия) и Амфилохий Иконийский (340– до 400) (двоюродный брат святого Григория) не только за то, что все они были родом из Каппадокии и были близкими друзьями и епископское служение проходили в этой области, но и из-за общности в их учении, занимавшем примирительное положение между **Антиохийской** и **Александрийской** школами, так как, придерживаясь философии Платона, они были не чужды и аристотелевских воззрений. Воспользовавшись точными понятиями аристотелевской школы, они не только истолковали и раскрыли церковное учение (главным образом, триадологию), но и придали ему форму и точное выражение, переведя его на язык философских понятий, что сказалось в первую очередь на терминологии. Антиохийская богословская школа – основана в Сирии в конце III – начале IV вв.

Её начало предание возводит к апостолу Павлу, но основателем считается пресвитер Дорофей; одним из её основоположников был священномученик пресвитер Лукиан († 311), учениками которого были епископы Евсевий Никомидийский, Леонтий Антиохийский и др. Александрийская богословская школы возникла в 180 г., но некоторые относят её начало к апологету Афинагору или даже к апостолу Марку († 62). Основателем её был катехет Пантен († ок. 200), наиболее видными представителями были: в III в. – приемник Пантена святитель Климент Александрийский, Ориген; в IV в. – святитель Афанасий Великий, в V в. – святитель Кирилл. В противоположность идеалистическому и умозрительному пути, которому следовали александрийцы при изучении Писания, толкуя его аллегорически, антиохийцы придерживались его буквального смысла, стараясь прибегать к исторической критике. В философии они примыкали к Аристотелю, в то время как александрийцы придерживались учения Платона. В вопросе об отношении Божественного и человеческого естеств в лице Спасителя они выступали противниками александрийцев, которые разрешали его в смысле обоготворения человеческого естества Христа и соединения естеств объясняли понятием полного объединения. Антиохийцы же стояли за строгое различие двух естеств даже по соединении их в одном лице и в Христе видели Человека, связанного с Божиим Словом (Логосом) в одно нераздельное единство, Человека, Которого Слово избрало своим орудием и храмом, но Который нравственно развивался путём чисто человеческим, что выразилось в борьбе с искушениями, в Его страданиях и смерти. Разность их подходов к христологической проблеме можно выразить так: антиохийцы говорили о Слове вочеловечившемся, александрийцы – о Слове воплотившемся; то есть первые никогда не упускали из виду полноту человеческой природы Христа, тогда как вторые говорили в первую очередь о Божественности Слова, ставшего плотью. И поэтому, если некоторые александрийцы пришли к монофизитству, то из Антиохийской школы вышли ересиархи Арий (IV в.) и Несторий (V в.), которого упрекали в том, что он допускал в едином Христе два лица. Главные представители Антиохийской школы: в IV в. епископы Феодор Гераклеяский, Евсевий Эмесский, святители Кирилл Иерусалимский и Евстафий, Ефрем, диакон Эдесский, Диодор Тарсийский; в V в. ученики Диодора – святитель Иоанн Златоуст, Мелетий Антиохийский и Феодор Мопсуестийский с учениками – Феодоритом Киррским и Несторием, Ивой Эдесским, Василием Селевкийским. Некоторые её представители были после смерти канонизированы (святители Евстафий и Иоанн Златоуст); кого-то посмертно анафематствовали (Феодор Мопсуестийский), отдельные труды некоторых были осуждены (Феодорит Киррский, Ива Эдесский), третьи ещё при жизни были осуждены как еретики (Диодор Тарсийский, Несторий). Впрочем, и из стен Александрийской школы выходили святые, заблуждающиеся и еретики. Так, святители Климент, Афанасий и Кирилл причислены к лику святых. Ориген через три столетия после смерти был осуждён на V Вселенском соборе (553). А Аполлинарий Лаодикийский (IV в.) и Евтихий (V в.) ещё при жизни были осуждены за ересь.

[29] *Несторий* (после 381– ок. 450/2) – Константинопольский епископ (428–431). В христологических спорах подчёркивая человеческую природу Христа, именовал Матерь Божию «Христородицей» и даже «Человекородицей», как родившей человека Иисуса, с которым соединилось Слово Божие, пребывающее с ним в особом нравственном или относительном соединении; он был лишь обителем Божества, через наитие Святого Духа став Христом, то есть Помазанником. Всем этим ниспровергался догмат Воплощения. Его взгляды как еретические были осуждены на III Вселенском Соборе в Ефесе (431), а сам Несторий отлучён от Церкви.

[30] *Святитель Кирилл I* (375–444) – *патриарх Александрийский* (с 412), один из отцов Церкви, создатель учения о Богочеловеке: в борьбе с несторианством сформулировал принципы христологии (учении о Боговоплощения как реальном соединении в личности Христа двух природ – Божественной и человеческой, об их отношении – общении свойств и способе сочетания и единения – без смешения, слияния, сорастворения или поглощения). Автор *Epistola Synodica* с двенадцатью анафематизмами Нестория (428–431), а также полемических сочинений против него, в которых утверждается нераздельное соединение природ во Христе, начиная с момента Его рождения в мир; в этих трудах был введён термин «ипостасное единство» двух природ без их смешения или разделения. Участник III Вселенского Собора (431), осудившего ересь Нестория и утвердившего почитание Матери Божией Богородицей.

[31] *Святитель Иоанн I* (354–407) – *архиепископ Константинопольский* (398–404), один из величайших отцов Церкви. За проповеди против роскоши, которые императрица Евдоксия († 404), супруга Аркадия (395–408), приняла на свой счёт, святой был отправлен в ссылку, но последовавшее затем землетрясение сподвигло царицу вернуть его в столицу. Проповеди против пороков высшего общества привели к новому гонению на святителя (из шести лет патриаршества, три он провёл в ссылках). Умер святой Иоанн в изгнании под Командами (Абхазия), по дороге в Питиунт. Перенесение мощей святителя в Константинополь произошло в 438 г. За свои проповеди (ок. 1000) святого Иоанна, начиная с VI века, стали именовать *Златоустом*. Оставил толкования на многие книги Священного Писания и почитается Церковью как великий экзегет. Он составил последование (чин) Литургии, носящей его имя, ввёл в церковное употребление крестные ходы.

[32] Между понятием «*соборная*» (кафолическая) и понятием «*вселенская*» имеется различие. Соборность означает духовное единение всех членов Церкви земной между собой и с Церковью Торжествующей на Небесах во главе со Христом; вселенскость же означает, что Церковь Христова имеет распространение вселенское, т.е. всемирное, по всей вселенной – «*даже до края земли*» (Деян. 1, 8). Вселенскость Церкви есть составляющая соборности Церкви. Распространившись по всему миру в виде Поместных Церквей, святая Церковь, тем не менее, не утратила своего единства, своей соборности, потому что единственное основание подлинной соборности есть истина – Православие. Впервые слово «*католический*» для обозначения Церкви встречается у

священномученика Игнатия Богоносца (ок. 50 – ок. 107) (Послание к смирнянам, 8).

[33] **Апостасия** (греч. *отпадение, отступление*) – в узком смысле, духовное отступничество и отпадение человека от Бога; в широком – процесс отступления человечества от христианской веры и благочестия, который будет предварять приход антихриста; именно апостасией закончится человеческая история. Пророчества об этом содержатся в Священном Писании (Апокалипсис и так называемые «малые» Апокалипсисы (Мф. 24 гл.; Мк. 13 гл.; Лк. 21, 5–36). Несмотря на то что перед кончиной мира Евангелие будет проповедано всем народам (Мф. 24, 14), в Своё Второе Пришествие Христос едва ли найдёт веру на земле (Лк. 18, 8).

[34] **Пророк Иеремия** (VII–VI вв. до Р. Х.) – второй из четырёх великих пророков Ветхого Завета, последний пророк Иудейского царства. Основу ветхозаветной книги, носящей его имя, составляют проповеди и изречения пророка, записанные им и его сподвижником Варухом. Особенностью этой книги является расхождение между её еврейским текстом и переводом семидесяти толковников (Септуагинты), которое касается расположения некоторых глав, а также отсутствия в переводе 2700 слов масоретского текста. Пророку приписывается авторство Плача Иеремии, а также неканонического Послания Иеремии – полемического произведения, направленного против идолопоклонства.

[35] **Святитель Григорий Палама** (1296–1359) – архиепископ Фессалоникский. В двадцать лет удалившись на Афон, начал постигать премудрости умного делания, требующего уединения и безмолвия; такое монашеское делание получило название *исихазма* (с греч. *покой, молчание*). Противник Варлаама и Акиндина в вопросе о природе Фаворского света. Константинопольский собор 1341 г. принял положение святого Григория (против ереси монаха Варлаама из Калабрии, Южная Италия) о различении сущности Бога (запредельной и недоступной) и Его энергий, пронизывающих мир и сообщаемых человеку; за подвиг поста и молитвы Господь озаряет верующих нетварным Светом, каким сиял Он на Фаворе. Учение Варлаама было осуждено как ересь, а сам он, преданный анафеме, удалился в Италию. Однако болгарский монах Григорий Акиндин продолжил полемику. Патриарх Иоанн XIV Калека (1334–1347), придерживающийся еретических мнений, при поддержке императора Андроника III (1328–1341) отлучил святителя от Церкви (1344) и подверг темничному заключению. В 1347 г., после смерти патриарха, святой был освобождён и возведён в сан архиепископа Фессалоникского. Влахернский собор (1351) засвидетельствовал православность его учения, которое было признано официальной доктриной Церкви. Через девять лет после кончины он был канонизирован на Константинопольском соборе при святителе Филофее Коккине (1353–1354 и 1364–1376), который написал его житие и составил ему службу. Палама, как и Коккин, родовые имена этих святых, нечто подобное современным фамилиям.

[36] **Симония** – термин, появившийся в IV в.; происходит от имени Симона-волхва, который, как сказано в Деяниях святых апостолов (Деян. 8, 9–24), просил

учеников Христовых продать ему дар низведения Святого Духа; означает приобретение за мзду благодатного иерархического служения в Церкви; так называлась распространенная в Средние века в Западной Европе практика покупки-продажи церковных должностей или духовного сана.

[37] *Преподобный Никодим Святогорец* (1749–1809) – просвещённый афонский монах. В 1777 г. участвовал в подготовке к изданию «Филокалии» («Добротолюбия») – сборника аскетических творений святых отцов и других книг. С этого началось его главное дело – переводить, писать и издавать духовные книги. Он перевёл с латыни и значительно отредактировал книгу итальянского монаха Лоренцо Скуполи «Невидимая брань», переведённую на русский язык святителем Феофаном Затворником (1815–1894). Честная глава преподобного хранится на Афоне в келье Скуртеон в Карее (административном центре Святой Горы). Причислен к лику святых 31 мая 1955 г указом Константинопольского патриарха Афинагора (1948–1972).

[38] **Апостольские постановления** – письменный памятник, полное заглавие которого «Постановления святых апостолов через Климента, римского епископа и гражданина» («Constitutiones apostolicae»), приписываемый *священномученику Клименту Римскому* († 101). Редакция сборника восходит к V в. В его основе лежат разнообразные источники, такие как «Учение католическое двенадцати апостолов и святых учеников Спасителя нашего» (III в.) и «Учение двенадцати апостолов» (*Дидахи*) (конец I в.). В сборнике помещены молитвы, чин Крещения и Евхаристии, список посвящённых апостолами епископов и их первых преемников; постановления о катехуменате, о домашней жизни мужчин, женщин и девственниц; наставления касательно установлений и порядков церковной жизни, прав и обязанностей лиц духовных, их избрания и посвящения, в отношении церковных праздников, постов, молитв, богослужения; говорится об обязанностях и деятельности епископа, о лицах, ему близких, и о его сотрудниках – диаконах, диакониссах, иподиаконах, чтецах; о вдовицах и сиротах; о мучениках, о праздновании Пасхи, об отношении к еретикам; о дарованиях, о рукоположении.

[39] Ефес – крупнейший из двенадцати городов Ионии (область на западном побережье Малой Азии у Эгейского моря; теперь это территории, прилегающие к г. Измиру в Турции), первоначально был центром малоазийских греческих колоний, а во время владычества римлян – главный город провинции Азия.

[40] Милит – город в Карии, на юго-западе Малой Азии. Христианство в Милите было насаждено апостолами, и один из епископов Милита присутствовал на Никейском Соборе (325). В Новом Завете название города встречается несколько раз (Деян. 20, 15–17; 2 Тим. 4, 20). Не следует его путать с Мелитом, островом, на котором побывал святой апостол Павел (Деян. 27, 27–44; 28, 1–11) и который некоторые (начиная с императора Константина VIII Багрянородного, X в.) отождествляют с островом Меления, сегодняшний Млиет, возле берегов Хорватии; но по последним научным данным (Н. Warneske) – это остров Кефалления в Ионическом море.

[41] *Святитель Афанасий I Великий* (ок. 295–373) – *Александрийский патриарх* (с 328), главный противник ариан и защитник никейского Символа веры. За свою непреклонность пять раз изгонялся императорами и несколько лет своего епископства провёл вдали от епархии. Творческое наследие святого Афанасия довольно обширно. «Житие святого Антония» стало классическим образцом агиографической литературы и сыграло большую роль в распространении монашества.

[42] **Синедрион** (от греч. *вместе, собрание*; евр. *санхедрин*) во главе с первосвященником Каиафой осудил Христа на смерть. Синедрион – верховный совет и судилище евреев, где обсуждались важнейшие религиозные и гражданские дела. Представлял собой аристократический высший судебный орган и состоял из 71–72 членов, кооптацией назначавшихся из лучших фарисейских и саддукейских (священнических) родов. В его состав также входили отставные архиереи, начальники священнических черёд, возможно кто-то из влиятельных книжников, законников и старейшин. Членство в синедрионе было пожизненным. Созывал и возглавлял синедрион первосвященник, избираемый из числа саддукеев. После покорения Иудеи римлянами (63 г. до Р. Х.), синедрион мог выносить смертные приговоры, но их исполнение требовало согласие римского правителя (во времена Христа это был пятый прокуратор Иудеи и Самарии Понтий Пилат (26–36)). Вплоть до разрушения Иерусалима (70 г. по Р. Х.) он функционировал в столице Иудеи. Название синедрион встречается только в Евангелии и Деяниях святых апостолов; из этих книг до нас дошли имена некоторых членов иерусалимского синедриона: первосвященник Каиафа (18–36 гг. по Р. Х.), его тесть Анна, бывший архиерей (6–15 гг. по Р. Х.) (первосвященниками в разное время были и пять его сыновей), первосвященник Анания, фарисей Гамалиил, а также святые Никодим и Иосиф Аримафейский.

[43] Святитель Евстафий Солунский (ок. 1115–1135 – ок. 1193 или 1195–97) – родился в Константинополе, где прошли годы его учебы, рано стал монахом в обители святой Евфимии, затем был патриаршим дьяконом (1150). После 1174 г. был возведён в сан епископа Мир Ликийских, а позже (1177–1180) стал солунским митрополитом. В 1185 г. был очевидцем взятия Солуни норманнами и описал это событие в историографическом труде «На падение Солуни». В 1191 г. на время покинул пределы своей епархии из-за угроз со стороны противников его преобразований, направленных на исправление нравственного и духовного состояния клира, монахов и мирян. Прекрасный ритор, автор многих речей, схолий и посланий, а также ряда филологических трактатов – комментариев к античным произведениям. Оригинальностью и остротой отличаются его труды – «Об исправлении монашеской жизни», «О лицемерии».

[44] *Святитель Василий Великий* (330–378) – *архиепископ Кесарии Каппадокийской*, вселенский отец и учитель Церкви. Его родители – пресвитер Василий старший († ок. 341) и святая Эмилия (Эммелия) († 375), имели десять детей, пятеро из которых причислены к лику святых – преподобная Макрина (327–379) и праведная диаконисса Феозва (Феозевия) († 385), а также святители

Григорий Нисский (335–394) и Пётр, епископ Севастии Армянской (349– ок. 392). В своих трудах святой Василий фактически заложил основы всей богословской терминологии, всего строя православной догматической мысли, разделив и определив понятия ипостаси и усии (сущности). Отношение лиц Троицы он выражает так: Бог один по существу, но троичен по ипостасям. Богословие святителя послужили основой и для всей христологии IV, V и VI Вселенских Соборов. Святой сыграл видную роль в победе над арианством. С именем святителя Василия связана одна из основных литургий Церкви, совершаемая десять раз в году. Он также ввёл в богослужение антифонное пение. Святой Василий был родоначальником малоазийского общежительного монашества. Оставил после себя множество творений, среди них особенно известен «Шестоднев», излагающий принципы христианской космогонии. За своё милосердие и помощь бедным, а также из-за того, что его память отмечается первого января по старому стилю, в Греции святитель Василий (Ай-Василис) почитается так же, как на Западе святой Николай (Санта-Клаус).

[45] **Пневматомахи**, или **полуариане** (греч. *духоборцы*), – еретики, которые правильно и православно думая о Сыне (они признавали Его единосущие с Отцом), хулили Духа Святого, не сопричисляя Его по Божеству Отцу и Сыну, считая Его сотворённым, подобно Ангелам, существом, находящимся в подчинении Богу-Отцу и Христу. Они не допускали именованя Святого Духа Богом и отрицали Его единосущие с Отцом и Сыном. Одно из названий духоборчества, македонянство, происходит от имени Македония I, епископа Константинопольского (342–346 и 351–360), который не был напрямую причастен к ереси, но этим именем после его смерти прикрывались еретики.

[46] **Икономия** (от «икос» (*дом*) и «номос» (*закон*), букв. управление или устройство дома, дел; домоводство, домостроительство) – Божие управление Своим домом, то есть Божественный план о спасении сотворённого Им мира; Божие домостроительство – замысел спасения, пронизывающий всю историю, Его промысл о всём творении, касающийся устройства мира, включая сотворение, особое попечение и руководство жизнью людей, само вочеловечение Бога-Слова, искупление падшего человечества и, наконец, устройство, освящение и управление Церковью. Иными словами, домостроительство – это постоянные проявления (Богоявления, откровения) Пресвятой Троицы в творении и истории; в домостроительстве Бог открывает Себя, сотворяя мир, промышляя о нём, воплощаясь, преподавая Свою благодать посредством Божественных энергий. [В связи с этим очень важным является различие Троицы предвечной в Своей сущности (усии) и ипостасных свойствах Её Лиц (отчества, сыновства и исхождения), которым никто не может быть причастен, – и Троицы домостроительной (икономической) в Её проявлениях по отношению к творению посредством нетварных Божественных энергий, благодаря причастности к которым человек получает обожение. Невозможно познание Бога вне «икономии», в которой Он Себя открывает – трансцендентный Бог в Своём домостроительстве становится имманентным благодаря энергиям, пронизывающим всю тварь.] Домостроители Духа (клирики) призваны решать церковные вопросы согласно с этим домостроительством Божиим – в духе Божественного человеколюбия,

премудрости и Его воли о спасении человека – ибо цель икономии едина – как у Господа, так и у пастыря душ, вся забота и попечение состоит в том, чтобы заблудшую овцу возвратить и ужаленную змием исцелить. Идея икономии как церковно-созидательного мышления связана в первую очередь с любовью: Церковь, временно и разумно не применяя всей строгости канонических правил (акривии), продолжает Божественное домостроительство, чтобы достигнуть той же цели – «*взыскать и спасти*» человека (Лк. 19, 10). Поэтому ради пользы, развития, приращения Церкви, соблюдения церковного единства во имя спасения человека, ради того церковного созидания, домостроительства, икономии, которой призваны руководствоваться пастыри, на практике допускается временное отступление от буквы закона. Церковь снисходит к человеческой немощи и терпит, не прибегая к наказаниям (отступление от акривии), с тем, чтобы помочь человеку, сохранить его в своём лоне и, приобщая его к жизни во Христе, привести к познанию истины для возрастания его в «*мужа совершенна*» (Еф. 4, 13), вновь соделывая его одним из членов общества святых – Церкви. Ради этого и требуется снисхождение, милостивый кенозис Церкви к отпадшему от неё. В связи с этим целый ряд правил, в случаях неполезности буквального их исполнения, содержит указания о человеколюбивом или полезном для Церкви их применении, в чём можно видеть проявление домостроительных забот Церкви. Однако икономия никоим образом не отменяет каноны, ибо, они, как правила, всегда показывают верный путь к истине – к её познанию и жизни по ней. И несмотря на то, что сила некоторых канонов на практике или из соображений домостроительства иногда ослабевает, их вечный и непререкаемый авторитет не умаляется – Церковь ради пользы своей полноты в любой может возобновить силу этих правил, даже если они не применялись много веков. В узком смысле, икономия – это возможная снисходительность в практическом применении церковных законов и смягчение канонов (например, в отношении епитимий, послабления в посте), допускаемые в конкретной ситуации по отношению к немощному человеку, ради его духовной пользы; такое целесообразное послабление всегда носит временный характер.

[47] **Акривия** (греч. *точность*) – применение всей строгости канонических правил в конкретных обстоятельствах жизни Церкви, то есть точное исполнение церковных канонов, в соответствии с буквой закона. Святитель Василий (330–378), употребляя термин акривия, замечает, что мы «обязаны <...> покоряться правилам с точностью» (Правило 1), то есть предпочтение всегда должно отдаваться акривии. Если вопросы каноники, церковной практики и дисциплины в зависимости от ситуации можно решать как исходя из акривии, так и икономии, то вопросы догматического характера должны разрешаться только из принципа акривии. Святые отцы понимали икономию как снисхождение в сравнении с акривией, то есть как меру пастырской целесообразности, а акривию – как богословский критерий, который составляет каноническую основу Церкви, является практикой, исходящей из её самосознания, согласно которому вне Церкви нет ни Таинств, ни спасения. Говоря другими словами, акривия и икономия не равносильны. Это значит, что одно не может произвольно заменяться другим, например, как это произошло

со способом Крещения – обливание является исключением, когда нельзя крестить погружением. Однако сейчас распространён именно такой способ крещения – акривия совершенно неоправданно подменена икономией, снисхождение стало правилом. По словам преподобного Никодима Святогорца (1749–1809), икономию, к которой иногда прибегали некоторые из отцов, нельзя считать ни законом, ни примером. Церковная польза требует то строгости, то снисхождения, то есть речь идёт об икономии строгости, когда соображения икономии, например, могут иногда требовать применения акривии (например, ради назидания). Как икономия, так и акривия служат одной и той же созидательной цели – созиданию Божия дома, т. е. домостроительству Церкви, являются теми средствами, которые в равной степени способствуют душевному спасению верующих и противостоянию греху. Сочетание канонической акривии и церковной икономии составляют два аспекта одного и того же дела служения к совершению святых, для созидания Тела Христова (см. Еф. 4, 12), выбирать между которыми призван клирик, которому дана Господом власть вязать и решить (ср. Ин. 20, 23).

[48] **Монофизитство** (от греч. *единоприродный*) – христологическая ересь, основанная в V в. константинопольским архимандритом Евтихием (412–444) и поддержанная Александрийским патриархом Диоскором (444–451). Монофизиты утверждали, что при воплощении во Христе из двух естеств стало одно – Божественное, и воспринятая человеческая природа стала только принадлежностью Его Божества – поглощённая им и утратившая всякую собственную действительность, она лишь мысленно может разделяться от Божественной. Но если человеческая природа во Христе была полностью поглощена Божественной, то Бог в Нём хотя и воплотился, но не вочеловечился, воспринял только плоть, но не стал вполне человеком. Это учение возникло как опровержение уже осуждённого (431) несторианства, разделявшего две природы во Христе вплоть до нарушения Его личного и ипостасного единства. IV Вселенский Собор в Халкидоне (451) осудил монофизитство и составил своё определение, в котором Христос исповедуется как совершенный Бог и совершенный Человек, единосущный Отцу по Божеству и нам по человечеству, пребывающий и по воплощении неслиянно и нераздельно в двух природах, но в единой ипостаси. Решения Собора не были приняты в Египте, Армении, Сирии и Эфиопии. На востоке Империи произошли кровопролитные мятежи, началась длительная смута. Цари опасались отпадения мятежных провинций и поэтому принуждали патриархов к соглашению с еретиками, однако твёрдая позиция Рима и восстание православного народа в Константинополе привели к тому, что монофизитские иерархи были повсюду низложены и бежали в Египет (519). В VII в. монофизитское учение обретает новую жизнь в монофелитстве.

[49] Валент II Флавий (Flavius Valens) (ок. 328–378) – император восточной части Римской империи (с 364).

[50] **Эпарх** (греч. *правитель, начальник*) – в Византии градоначальник Константинополя (с его округой), глава исполнительной власти Константинополя. Назначался и подчинялся непосредственно императору. Имел большой штат служащих, военный отряд, тюрьму; ведал деятельностью

пожарных. В его функции, помимо судебных (его приговоры мог отменить лишь василевс) и полицейских (в том числе надзор за пребыванием иногородних и иностранцев в столице), входили снабжение города, регламентация ремесленного производства, внутригородской и внешней торговли (включая цены), контроль над зрелищами (организация церемоний, празднеств, представлений на ипподроме, казней, похорон членов царской семьи). Он заботился о благоустройстве Царьграда, о безопасности и поддержании порядка (в том числе предупреждение и подавление восстаний), контролировал работу всех общественных учреждений, занимался организацией строительных государственных работ в городе. Во время отсутствия в столице императора епарх часто возглавлял правительство и ему подчинялись имеющиеся в городе военные силы. Должность эта появилась в середине IV в., но после захвата Константинополя крестоносцами в 1204 г. фактически была упразднена; в XIV в. она хотя и упоминается, но, скорее, в качестве титула, не имеющего никакого отношения к городскому управлению.

[51] Император Валент (364–378) был склонён к арианству своей женой Альбией Домникой и стал действовать в пользу еретиков, воздвигая всяческие гонения на православных – по его приказу восемьдесят пресвитеров в Никомидии посадили на корабль и подожгли, а в Антиохии многие православные были утоплены в реке. В особенности преследовались монахи Египта и Понта (северовосточная часть Каппадокии), многие из которых были умерщвлены. Зная силу святителя Василия (330–378), Валент очень желал склонить его к арианству. Собираясь сам ехать в Кесарию, он сначала послал туда епарха – арианина Модеста, поручив ему расположить святого Василия к арианам, а в случае неудачи – изгнать его из города. Вскоре в Кесарию прибыл сам Валент, которому Модест донёс, что ничего не добился от святителя. Царь искал случая поговорить со святителем лично. В городе не было арианских церквей, поэтому на Богоявление император со свитой вошёл в храм, где служил святой Василий. При этом он сам понёс к алтарю дары, но никто из клириков не прикасался к ним, не зная, примет ли их от еретика архипастырь. Валент до того смутился, что вышел из храма. В другой раз, когда святой Василий не служил, он пригласил царя в алтарь, где много говорил ему о догматах. Валент был восхищён беседой с мудрым святителем. Таким образом, святой всё же был оставлен на своей кафедре, но епархия была разделена, и во главе второй митрополии стал епископ-арианин. Святитель Василий предпринял ответный шаг – чтобы в случае необходимости иметь голоса православных епископов, он возвёл в архиерейский сан своего брата – святого Григория Нисского и друга – святителя Григория Назианзина, чему они, впрочем, весьма противились.

[52] Иофор – священник Мадиямский, отец Сепфоры, жены святого пророка Моисея. *«И послушал Моисей слов тестя своего и сделал всё, что он говорил»* (Исх.18, 13–24).

[53] *Святитель Григорий I Богослов, или Назианзин* (ок. 300– ок. 391), – выдающийся богослов, один из трёх вселенских учителей Церкви. Друг и сподвижник святителя Василия Великого (330–378); сын святого Григория

(Старшего), епископа Назианза. Был епископом Сасима (Каппадокия), но, скорее всего, он никогда не литургисал в пределах своей епархии. После смерти отца унаследовал кафедру Назианза (Каппадокия), а затем был избран патриархом в арианствующий Царьград (379–381). Председательствовал на II Вселенском Соборе (381), способствовал утверждению христологии и православного понимания Святого Духа как третьего Лица Троицы. Автор многих богословских сочинений, среди которых особенно выделяются «Пять слов о богословии», за что Церковь и именует его Богословом. Автобиографические поэмы «О моей жизни», «О моей судьбе» и «О страданиях моей души» стоят в том же ряду, что и «Исповедь» блаженного Августина (354–430).

[54] Имеются в виду Слово 2-е (в русском переводе 3-е) святого Григория (300–390), а также «Шесть слов о священстве», написанные святителем Иоанном Златоустом (354–407) по следующему поводу: ему и святому Василию (330–378) стало известно, что собравшиеся в 374 г. в Антиохии епископы вознамерились поставить их обоих архипастырями. Святитель Иоанн, представляя высоту иерейского, а тем паче архиерейского служения и считая себя неприготовленным к надлежащему исполнению обязанностей пастыря, скрылся тайно ото всех и даже от своего собрата Василия, который и был возведён во епископа (вероятно, Рафаны Сирийской, близ Антиохии). Вскоре, увидевшись со святым Иоанном, святитель Василий высказал ему свои дружеские упреки за уклонение от священного сана, блистательным ответом на которые и служат эти слова о священстве, написанные между 374 и 386 гг., когда святитель Иоанн уже был рукоположен во пресвитера.

[55] *Преподобный Максим Исповедник* (ок. 580–662) – византийский богослов, главный противник монофелитов, в том числе императора Ираклия I (610–641) и патриарха Константинопольского Сергия I (610–638). Отцом его был ремесленник-самарянин, а матерью – рабыня-персиянка, принявшие крещение. При рождении получил имя Мосхион. После смерти родителей в десятилетнем возрасте он был передан в один из палестинских монастырей на воспитание, где его нарекли Максимом. Нашествие персов на Палестину и захват ими Иерусалима (614), вынудили преподобного покинуть Святую Землю. Так он оказался в столице империи, где стал секретарем императора Ираклия, но вскоре оставил службу и ушёл в один из монастырей вблизи Константинополя, однако нашествие персов и аваров (626) заставило его покинуть город. Побывав на Крите и Кипре, он некоторое время прожил в Северной Африке, затем в Палестине и Сирии. В 641–645 гг. преподобный снова подвизался на севере Африки, где в 645 г. в диспуте с монофелитами в Карфагене он победил бывшего константинопольского патриарха Пирра (639–641 и 653–654). В том же году он отправился в Рим и, близко сойдясь с папой, святителем Мартином (649–653), выступил главным инициатором проведения Латеранского собора (649), на котором были провозглашены анафемы главным ересиархам монофелитов. Святой доказывал, что воля и энергия присущи естеству или природе, и, следовательно, во Христе, при наличии двух природ, должны пребывать как Божественные воля и действие, так и человеческие. За это в 653 году святой Максим, как и римский папа, был арестован, осуждён и

сослан. За свою непримиримую позицию в 662 г. преподобный был ещё раз привезён в столицу, вновь осуждён, подвергнут урезанию языка и отсечению десницы и сослан в Лазику (Западная Грузия), где в крепости Шемари вскоре умер и был погребён (662). Учение святого Максима восторжествовало на VI Вселенском Соборе (680).

[56] **Монофелитство** (греч. *единоволлие*) – ересь, сложившаяся в VII в. и представляющая собой видоизменение монофизитства. Согласно монофелитам, Христос при наличии двух природ – Божественной и человеческой, имеет единую волю – Божественную. Монофелитам удалось склонить к ереси большинство иерархов Египта, Сирии и Византии – её поддерживали все восточные патриархи (кроме святителя Софрония Иерусалимского; 580–638), а также папа Гонорий I (625–638). Стремясь вернуть в Церковь и присоединить к Империи монофизитские области – Египет, Сирию и Армению, царь Ираклий I (610–641) поддержал моноэнергизм – компромиссное учение ересиарха патриарха Сергия (610–638) о том, что во Христе наличествуют две природы, но только одна Божественная энергия, действие. Затем моноэнергизм перерос в монофелитство. Преподобный Максим (580–662) доказывал, что воля, как естественное хотение, есть непременно выражение природы, а не ипостаси и, следовательно, у двух природ одной воли быть не может – без двух волей не может быть и двух природ во Христе. Монофелиты верили, что признание во Христе двух волей равносильно признанию в Нём склонности как к добру, так и ко злу. Но у безгрешного Христа эти два естественных хотения (воли) не вели к нравственному конфликту, так как одно (человеческое) пребывало в полном согласии с другим (Божественным). Монофелитство приводило к монофизитству, отрицающему полноту вочеловечения Слова Божия. Начатые гонения укрепили православных, а захват арабами восточных областей империи (Египет и Сирия), где находились центры монофелитства, прекратил богословские споры. VI Вселенский Собор (680) постановил, что во Христе пребывают две энергии и две воли, из которых человеческая в совершенном согласии следует или подчиняется Божеской, но не уничтожается ею. Император из армян Филиппик Вардан (711–713), желая примирить своих соотечественников с Империей, попытался отменить решения VI Вселенского Собора, но возобновившаяся полемика была заглушена первыми вспышками иконоборчества.

[57] Петр (654–666) – последний монофелитский патриарх Константинополя, приемник Пирра (639–641 и 653–654). Председательствовал на суде над святителем Мартином (649–653) и преподобным Максимом Исповедником (580–662).

[58] **Халкидонская вера** в неслитное, неизменное, нераздельное и неразлучное ипостасное единство двух природ во Христе; это догматическое определение («*орос*») было принято на IV Вселенском Соборе в Халкидоне (451); согласно нему во Христе две различные природы – человеческая и Божественная – образовали одну ипостась (личность); первые два определения направлены против монофизитов, последние – против несториан. (Святая

царица Пульхерия (398–453) и император Маркиан (450–457) объявили о созыве нового собора в октябре 451 г. в Никее. К назначенному сроку прибыло свыше 500 епископов – ни на один собор до сих пор не собиралось такого количества участников. Маркиан был занят военными заботами – отражением новой волны гуннов, поэтому он приказал провести Собор поближе к столице. Было решено провести его в Халкидоне (Халкедоне) – городе на противоположном от Константинополя, азиатском берегу Босфора. В настоящее время это район Стамбула – Кадыкёй.)

[59] Пирр († 655) – патриарх Константинопольский (639–641 и 653–654), преемник Сергия I (610–638), убеждённый монофелит, один из идеологов ереси. Ещё будучи игуменом, Пирр переписывался с преподобным Максимом (580–662) по вопросу моноэнергизма – учения патриарха Сергия о том, что вследствие ипостасного единства природ, во Христе возможно наличие лишь одной богочеловеческой энергии (действия). Затем в 638 г. Сергий и Пирр составили монофелитский «Эктесис» (Изложение веры), за подписью царя Ираклия I (610–641) распространяемый по Империи и затем провозглашённый Пирром официальной доктриной Церкви. По смерти Ираклия Пирр оказался замешанным в династической борьбе. Тогда же обострились его отношения с властной августой Мартиной, поэтому он был арестован, низвергнут [патриархом стал другой монофелит – Павел II (641–653)] и сослан в Карфаген. Здесь в 645 г. у него состоялся богословский диспут с преподобным Максимом, после чего Пирр публично признал себя побеждённым и, вернувшись в Православие, отбыл в Рим, где принёс покаяние папе Феодору I (642–649). Однако вскоре, находясь в Равенне, Пирр отправил папе отречение от своего воссоединения с Церковью и вернулся к монофелитству. Папа Феодор анафематствовал Пирра, этот акт в 649 г. был закреплён Латеранским собором, осудившем ещё патриархов Сергия и Павла. VI Вселенский Собор (680) к их именам добавил и преемника Пирра по кафедре, патриарха-монофелита Петра (655–666), отлучив всех их от Церкви. Скончался Пирр в 655 г. в Константинополе во время переговоров с представителями папы о восстановлении церковного общения.

[60] *Святитель Мартин I Исповедник* (649–653; † 655) – папа Римский. Для борьбы с ересью монофелитов, получившей широкое распространение (даже император Констант II (641–668) и Константинопольский патриарх Павел II (641–653) были её приверженцами), святой созвал в Риме Латеранский собор (649), по авторитету близкий ко вселенскому, на котором осудил монофелитство. За это в 653 г. он был арестован и тайно отправлен в Константинополь. По надуманному обвинению в тайном общении с врагами империи-сарацинами, хулении Богородицы и неканоническом вступлении на папский престол (он был избран после двухмесячной вакансии, без утверждения византийским императором), святой в 654 г. был осужден и претерпел годичное заточение. В 655 г. он был призван на суд в Константинополь и по клеветническим обвинениям приговорён к смерти, но по ходатайству патриарха, казнь была заменена ссылкой на Крымский полуостров, куда его тайно отправили. Здесь в лишениях святой Мартин провёл последние два года своей жизни.

[61] Из созидательного понимания **икономии** вытекает то, что невозможно из соображений икономии отходить от учения Церкви, от истины, ибо разрушение фундамента Церкви, умаление истины, противоречило бы основному значению домостроительства – созиданию. Поэтому Святые отцы могли, ради экономии, отступить лишь от внешней формы правил или даже Таинств, но не от самой истины, к которой они стремились привлечь как можно больше душ человеческих. Ибо знали, что не всякое стояние за каноническую правду соответствует священным канонам, а может рассматриваться и как противное их духу и основной цели – созиданию, когда приводит к раздроблению Церкви. Но икономия ни при каких обстоятельствах не может позволить или оправдать греховный поступок, не может объявить грех «не бывшим». По словам святителя Иоанна Златоуста (398–404), «домостроительно только то, что не незаконно». Греху нет места в Церкви – она не может допустить грех внутрь себя, не может и не должна на себе нести ересь, бесчиние, пренебрежение канонами и заповедями. Всё, что касается установлений Духа, должно быть соблюдено со всей точностью и тщательностью. Церковь всегда примет кающегося грешника – отпустит грех, исцелит, уничтожит его благодатью, но никогда не скажет, что греха не было. Церковь готова принять людей, поодиночке и общинами, но никогда не примет греховных, еретических учреждений, никогда не смирится с чуждым догматом. Посему тот, кто, находясь в еретическом сонмище и полагая себя крещёным, приступает к Церкви, – получает благодать Крещения, которую ранее не имел, либо когда крестится истинным Крещением, либо, по икономии, в самом присоединении – через Покаяние или Миропомазание. Как и тот, кто получил сан от руки еретика или схизматика, принимается в сущем сане, получая благодать хиротонии в том Таинстве, посредством которого он принимается в Церковь. Поэтому принцип церковной икономии нисколько не противоречит догматическому учению о единственности Церкви, ибо не даёт ни малейшего основания утверждать, что вне Церкви может преподаваться спасительная благодать и что подобные «таинства» могут быть действительным (или имеющими некоторую долю действительности) и благодатными.

[62] *Святитель Софроний I* (Премудрый) (ок. 580–638) – *патриарх Иерусалимский* (634–644), известен как непримиримый противник монофелитской ереси (к 630 г. остальные патриаршие престолы на Востоке оказались занятыми еретиками). Он автор слов в похвалу преподобной Марии Египетской и святых Кира и Иоанна (поводом к составлению послужило его чудесное исцеление от болезни глаз). Вместе со святым Иоанном Мосхом (Евиратом) (545–619) составил «Лимонарь» или «Луг духовный» (Синайский патерик) – собрание житий и поучений современных ему подвижников. Пересмотрел и исправил Устав монастыря преподобного Саввы Освященного. Автор многих трипеснцев на дни Четыредесятницы, не вошедших позже в Студийский устав (этот устав он ввёл в общее употребление в Палестине). Ему же принадлежит чин Великих часов на Рождество, не совсем сходный с нынешним. Ему, вероятно, следует приписать и окончательное образование чина Великого водоосвящения. Из богословского наследия наиболее известно окружное послание, изданное при его вступлении на кафедру, где он

предлагает подробное исповедание веры ввиду появившейся монофелитской ереси. Впоследствии, на VI Вселенском Соборе (680), оно было принято как точное изложение веры. Проповеди святителя интересны теми историческими деталями, которые позволяют представить себе жизнь Церкви в завоёванном арабами Иерусалиме (638). Сохранились также его гомилии, изложенные в стихотворной форме.

[63] **Цезарепапизм** (цезаропапизм) (от лат. *caesar* – *цезарь* и *papa* – *папа*) – религиозно-политическая модель, при которой в руках светского правителя сосредоточена как светская, так и духовная власть – либо непосредственно, либо через полное подчинение церковной иерархии. При цезарепапизма правитель воспринимается как наместник Христа на земле, хотя, как правило, это относится к должности, а не к личности. Этот условный термин был введён западными историками (И. Хергенрётером и др.) для обозначения системы взаимоотношений светской и церковной власти, характерной для Византии, где императоры, по существу, управляли Церковью, соединяя в одном лице главу государства и Церкви, присваивая себе верховные права в церковном управлении и ставя себя выше власти патриархов, подчиняя Церковь своими интересам. Проявлениями цезарепапизма было отмечено правление императоров Феодосия II (408–450), святого Юстиниана I (527–565), Ираклия I (610–641), Константа II (641–668) и Мануила I (1143–1180), а затем императоров-иконоборцев. Аналогичные отношения возникли после реформации в протестантских странах, где государи присвоили себе власть высших епископов. Некоторые историки усматривают нечто подобное и в тех отношениях между монархом и Церковью, что установились в России со времени уничтожения патриаршей власти (1721).

[64] **Симфония властей** (букв. *согласие, консенсус*) – в Византии уже при святом Константине (306–337) материальная мощь государства и духовная сила Церкви впервые объединились по принципу «симфонии» этих двух властей. Впервые эти идеальные гармонические отношения между Церковью и государством сформулировал в «Шестой новелле» святой император Юстиниан I Великий (527–565), найдя для новых отношений «священства и царства» подходящий термин: «Если то (священство) будет во всём безупречно и причастно дерзновения к Богу, а это (царство) будет правильно упорядочивать вручённое ему общество, то будет благая некая симфония...». Противоположностью симфонии являются **цезарепапизм** и **папоцезаризм**. Обе эти модели нарушают принцип правильных отношений Церкви и государства – в первой системе превалирует государство, во второй – Церковь.

[65] **Преподобный Феодор Студит** (759–826) – один из главных учителей аскетизма и апологет иконопочитания. Вместе с супругой Анной ушёл в монахи и принял пострижение в обители Саккудион, в 794 г. став её игуменом. Из-за конфликтов со светской властью святой Феодор Студит неоднократно изгонялся из монастыря. В первый раз он был сослан из-за протеста против прелюбодейного брака императора Константина VI (780–797) с Феодотой, родственницей преподобного Феодора (после своего брака она даже пыталась задобрить его дарами, но он отверг их). В другой раз император Константин

хотел побывать в монастыре Саккудион, проезжая поблизости, но иноки не вышли ему навстречу. За это оскорбление и за обличение царя, святой был заключён в темницу, откуда в 796 г. после жестоких истязаний его сослали в Солунь. После смерти Константина его мать, святая царица Ирина (797–802), освободила преподобного Феодора, и в 798 г. он поселился со своими учениками в Студийском монастыре. При нём число братии увеличилось с 12 до 1000 человек и студиты приобрели громадный вес в церковной жизни, с ними считались патриарх и император. Вскоре святой вновь подвергся гонениям от Никифора I Геника (802–811) – когда возник вопрос о прощении изверженного из сана священника, повенчавшего Константина, преподобный Феодор восстал против этого, опять вопреки императору и патриарху, и был изгнан на один из Принцевых островов, где пробыл два года (809–811), после смерти царя возвратившись в столицу. При императоре Льве V Армянине (813–820) он выступил с осуждением иконоборчества, был заключен в тюрьму и после страшных пыток был сослан в отдалённую ссылку, где никого к нему не допускали; но святой своими посланиями разным лицам (сохранилось более 500 его писем) продолжал борьбу за чистоту Православия, за что его подвергали побоям и лишениям. Хотя со смертью Льва закончилось изгнание преподобного Феодора, но свой многострадальный жизненный путь он окончил опять-таки в скитаниях, окружённый преданными учениками. Но уже через два года после своей смерти он был канонизирован, а на соборе 843 г., когда восторжествовало Православие, его имя было прославлено в числе первых.

[66] *Преподобный Иоанн Дамаскин* (ок. 680– ок. 784) – богослов, гимнограф и мелург. Родился в христианской арабской семье возле Дамаска – его мирское имя было Мансур (с араб. *победоносец*). Был казначеем халифа, но после клеветы оставил Дамаск, став насельником в обители святого Саввы близ Иерусалима. Будучи главным противником иконоборчества, он пострадал за свою ревность – халиф, поверив подложному письму, составленному императором-иконоборцем Львом III (717–741), приказал отсечь святому Иоанну десницу, которая по горячей молитве праведника перед иконой Богородицы вновь приросла к телу. Изображение исцелённой руки он поместил к окладу этой иконы, из-за чего икона стала именоваться Троеручицей. Его непревзойдённые труды – «Источник знания», а также «Точное изложение православной веры» – стали образцами для богословов на многие века. Он систематизировал и записал мелодии всего богослужебного круга – Октоих, способствовал оформлению византийской системы осмогласия; автор более 60 канонов, например таких, как пасхальный и богородичный. Также написал теоретические труды о построении гласов и их связи с древнегреческими тропосами. За всё это был прозван Златоструйным.

[67] Константин VI (771– после 797) – последний император (с 780) Исаврийской (Сирийской) династии.

[68] **Иконоборчество** – возникшее в начале VIII в. еретическое движение против иконопочитания, ошибочно принятого за осужденное в Ветхом Завете идолопоклонство. С догматической точки зрения запрет на изображение Сына Божия (Его принципиальная неизобразимость) отрицает полноту воплощения

Бога-Слова. Гонения на иконы начались при Льве III Исавре (717–741), который в 730 г. запретил почитание икон; продолжились при его сыне Константине V Копрониме (741–775) и внуке Льве IV Хазаре (775–780). Иконоборческий собор 754 г. в Иерии осудил иконопочитание; на нём были сформулированы основные принципы иконоборчества, а почитание икон приравнено к идолопоклонству и объявлено ересью; были уничтожены десятки тысяч священных изображений (икон, фресок, скульптур), преследовались те, кто их хранил. Сын Льва IV Константин VI (780–797) под влиянием своей матери святой Ирины созвал в Никее VII Вселенский Собор (787), осудивший ересь иконоборчества и утвердивший догмат иконопочитания. Вторая волна гонений на иконы была при Льве V Армянине (813–820), который созвал новый иконоборческий собор (815), на котором были отменены постановления VII Вселенского Собора и вступили в силу постановления иконоборческого собора 754 г., однако иконы предписывалось не считать идолами. Гонения продолжились при Михаиле II Травле (820–829) и Феофиле (829–842). Окончательное восстановление иконопочитания произошло в 843 г. при святой царице Феодоре, когда были канонизованы его ревностные защитники, а иконоборцы преданы анафеме. Римская Церковь, не пострадавшая от иконоборцев, всегда твёрдо противостояла императорам-иконоборцам. Однако это не помешало ей на соборах во Франкфурте (794, инициатива Карла Великого) и Париже (825) признать служение перед иконами идолопоклонством; впрочем, не отрицалось их значение как украшений храмов. Всё это в конечном итоге привело Запад к замене сакрального церковного образа светским бездуховным полотном Ренессанса и, в качестве реакции на это, к восстановлению элементов иконоборчества в протестантизме.

[69] *Лев V Армянин* (813–820) – византийский император; тайный иконоборец, способствовавший быстрой реставрации этого учения. В 814 г. он поручил тогда малоизвестному клирику Иоанну, за учёность прозванному Грамматиком [Иоанн VII Морохарзаний (Ованнес Керакан), патриарх Константинопольский (837–843), родом армянин, ярый иконоборец; идеолог возрождения иконоборчества], ещё раз с богословской точки зрения рассмотреть вопрос об иконах; нечестивец подтвердил: иконам поклоняться нельзя. В 815 г. в Константинополе был созван новый иконоборческий собор, отменивший постановления VII Вселенского Собора (787), запретивший «несогласное с преданием, или, ещё вернее, бесполезное, производство икон и поклонение им» и провозгласивший возврат к постановлениям иконоборческого собора в Иерии (754). Возвращаясь к начинаниям Льва III (717–741), Лев Армянин заявил: «Вы видите, что все государи, которые признавали иконы и поклонялись им [имеются в виду правившие до него Константин VI (780–797), святой Ирина (797–802), Никифор I (802–811), Ставракий (811) и Михаил I (811–813)], умерли или в изгнании, или на войне. Только не почитавшие икон умерли своей смертью на престоле и, с почётом перенесённые в императорские усыпальницы, были погребены в храме Апостолов. Я тоже хочу подражать им и уничтожить иконы, чтобы после долгой жизни моей и моего сына царство наше держалось до четвёртого и пятого поколения».

[70] Михаил II (820–829) – император Византии, основатель Аморийской (Фригийской) династии, по прозвищу Травл (шепелявый). Плохо разбирался в богословских тонкостях и к вопросам веры был равнодушен. Сам он не был иконоборцем по убеждению, однако официальная религиозная доктрина государства продолжала оставаться иконоборческой – в храмах святые изображения, если они ещё существовали, помещались высоко, в школах внушалось презрение к иконопочитанию как следствию необразованности. Папского посла святителя Мефодия I (будущего Константинопольского патриарха, 842–846) Михаил за призывы восстановить иконопочитание наказал плетьюми. Низложенный при Льве V (813–820) патриарх Никифор I (806–815) писал к Михаилу, прося возродить иконопочитание. Император отвечал ему: «Не вводить новшества в догматы веры пришёл я и не разрушать... установленное. Пусть каждый поступает по своей воле и желанию... Мы в каком положении нашли Церковь, в таком решаем и оставить её. Поэтому мы определяем, чтобы никто не дерзал поднимать слово ни против икон, ни за них... и да будет соблюдено глубокое молчание по отношению к иконам». Однако постепенно он отступился от своих первоначальных намерений, начав гонения на православных: одних проповедников иконопочитания он изгнал из города, других заключил в тюрьму.

[71] Иеромонах Иосиф, игумен монастыря Кафаров близ Никеи, клирик храма святой Софии Царьградской, эконоом Великой Церкви (должность, близкая к современному протопресвитеру).

[72] **Ромей** (греч. *римлянин*) – самоназвание византийцев, основанное на греческом произношении слова «римлянин». Изначально свидетельствовало о гражданской принадлежности к Римской империи, позже, после падения Западной её части в V в., – к Византийской империи. Населяющие её разные народности воспринимали культуру и язык Византии, становясь их носителями. Но в то же время все эти люди оставались разными по национальности и они отличали себя среди прочих ромеев – общим у них был язык общения (греческий) и элементы культуры, привнесённые Византией. При том что они считали себя ромеями, византийцы из «центра» империи их таковыми не считали, называя как угодно, но не ромеями – варварами, скифами и проч. усматривая своё превосходство над варварами в культурно-государственной сфере, ромеи, однако, были чужды этнических антипатий. Современные греки всё ещё называют себя ромеями, поскольку Восточная Римская империя просуществовала ещё тысячу лет после падения Западной (476).

[73] При святителе Тарасии (784–806) Иосиф был извержен из сана за то, что в 795 г. повенчал царя Константина VI (780–797), который насильно постриг в монахини свою первую жену Марию и женился на любовнице Феодоте (родственнице святого Феодора Студита; 759–826). Иосиф, пользуясь сменой как гражданской (императором стал Никифор I; 802–811), так и церковной власти (был избран святитель Никифор I; 806–815), добился того, что в 806 г. новый патриарх под давлением со стороны царя допустил Иосифа служить. Видя это, преподобный Феодор перестал поминать патриарха, который в конечном

итоге, опасаясь со стороны императора действий, направленных ко вреду Церкви, пошёл на дальнейшие уступки: в 809 г. он созвал поместный Собор, постановивший снять с Иосифа запрещение в священнослужении. Тогда святой Феодор заявил протест против такого беззакония, убеждая патриарха «лишить священства того, кто низвержен и канонами, и прежним патриархом, был отрешён в течение целых девяти лет». Патриарх уклонялся от переговоров с преподобным Феодором по этому делу. Тогда святой Феодор и студиты отложились от него открыто. Вместе с ними отделилось от патриарха и немало верующих. За отказ подчиниться церковным властям преподобный Феодор (которого патриарх назвал «отщепенцем от Церкви»), вместе с братом Иосифом и дядей, святым Платоном, был сослан на один из Принцевых островов, где пробыл два года, до смерти императора. После чего патриарх Никифор опять лишил Иосифа священного сана. И тогда в Церкви «опять наступил мир, которого здесь, по вине императора Никифора, не было свыше пяти лет».

[74] Принцевы острова – группа из девяти островов на северо-востоке Мраморного моря, близ Константинополя. В византийское время на некоторых из них были монастыри, служившие местом ссылки низложенных императоров и патриархов, а также опальных сановников и монахов. Халка – место ссылки преподобного Феодора Студита, пребывавшего там с 809 по 811 гг. На Оксии в первой ссылке находился святой Платон Исповедник (809–811). Принцип – самый большой из всех остров, византийцы называли его «островом принца». Принцип был местом изгнания значительного числа византийских церковных и светских сановников. К 821 г. на нём нашёл убежище с частью своих учеников преподобный Феодор Студит (759–826), там же он и скончался.

[75] *Праведная царица Феодора I* († 867) – супруга императора Феофила-иконоборца (829–842), происходила из древнего знатного армянского рода Мамиконян. Не прошло и двух месяцев после смерти Феофила, как святая царица Феодора, став первым регентом (842–856) при малолетнем сыне, поставила точку в борьбе с **иконоборчеством**, вторая волна которого поднялась со времён правления Льва V (813–820). Для этого 11 марта 843 г. в первое воскресенье Великого поста в Константинополе был созван поместный Собор, который, утвердив догмат иконопочитания VII Вселенского Собора (787), восстановил почитание икон, а все иконоборцы были преданы анафеме и даже вынуждены были участвовать в общем крестном ходе с иконами, который проходил по улицам столицы. Акты Собора были вырезаны на трёх больших плитах, помещённых в храме святой Софии. В память об этом событии было установлено ежегодное **празднование Торжества Православия**, крестный ход и особый Чин Православия, на котором читается «Синодик в Неделю Православия», состоящий из актов Собора с некоторыми позднейшими дополнениями. Впоследствии этот праздник приобрел общий характер торжества Церкви над всеми ересями. По достижении совершеннолетия её сыном, императором Михаилом III Пьяницей (856–867), святая Феодора в результате интриг оставила Константинополь и с четырьмя незамужними дочерьми удалилась в монастырь, где и почил.

[76] Папандреу Андреас (1919–1996) – премьер-министр Греции (1981–1985, 1985–1989 и 1993–1996). Основатель (1974), лидер и председатель (1984–1996) Всегреческого социалистического движения (ПАСОК); наряду с правой партией Новая Демократия, находящейся ныне у власти, это одна из самых влиятельных политических группировок Греции, самая большая оппозиционная партия в парламенте.

[77] Анастасий I Фракиец (ок. 430–518) – император Восточной части Римской империи (с 491), прозванный Дикором (досл. *разные глаза*) за разный цвет глаз – чёрный и голубой. Некоторые историки и хронисты за монофизитство прозвали его Нечестивым. Патриарх Евфимий I (490–496) согласился венчать Анастасия на царство только после того, как тот признал определения Халкидонского Собора. Его правление прошло в распрях между монофизитами и православными, так как решения IV Вселенского Собора не были ни явно признаваемы, ни вовсе отвергаемы – каждый верил так, как ему заблагорассудится. В 511 г. среди православных началось возмущение, когда певчие дворцовой церкви стали петь Трисвятую песнь с добавлением, вопреки традиции, слов «распныйся за ны», как это принято было у монофизитов Антиохии. Накал борьбы дошёл до того, что Анастасий в страхе запер двери дворца и держал наготове корабли для бегства. В 512 г. он, подговорив двух негодяев обвинить патриарха Македония II (496–511), которого прежде прилюдно непотребно оскорблял, в мужеложстве и ереси, безо всякого суда сослал, а многих его сторонников из числа клира посадил в тюрьму. Из-за прибавлений к Трисвятому в Константинополе вновь начались волнения. В 513 г. предводитель федератов Виталиан, объявив себя защитником Православия, осадил столицу. Императору пришлось согласиться с требованиями восставших созвать новый Вселенский Собор, а также возвратить всех изгнанных православных епископов. Но Анастасий не сдержал слова. Мятежники вновь подошли к Царьграду. Заключив перемирие, император вероломно нарушил его и, напав на флот Виталиана, разбил его. Анастасий умер ночью во время страшной грозы – по мнению летописцев, он был убит молнией.

[78] **Евтихианство** – ответвление монофизитства, учившее, что Христос не единосущен нам, то есть не признавалось единосущие человечества Христа нашему человечеству. Евтих (или Евтихий) – константинопольский архимандрит, поддерживавший тесную связь с Александрией и Египтом, глава значительной группы монахов (412–444). В 448 г. на поместном Соборе в Константинополе за еретические взгляды Евтихий был отлучён от Церкви и лишён сана. Однако у императора Феодосия II (408–450) был один приближённый, по имени Хрисафий, креатура александрийского патриарха Диоскора (444–451) и сторонник Евтихия. Хрисафий добился от императора созыва в Ефесе под председательством Диоскора собора (449), восстановившего Евтихия. За атмосферу грубого нажима и откровенного террора со стороны Диоскора этот собор впоследствии получил наименование «разбойничьего». *Святая царица Пульхерия* (398–453), сторонница низложенного православного патриарха, святителя Флавиана Константинопольского (506–512), удалась из дворца. Вскоре открылись интриги Хрисафия и император его отстранил, а

свою сестру святую Пульхерию вновь приблизил. Созванный по инициативе нового императора Маркиана (450–457) и его супруги святой Пульхерии IV Вселенский Собор в (451) осудил Евтихия как еретика.

[79] **Манихеи** (акониты) – последователи религиозного синкретического учения, основанного в Персии магом Мани (Манесом; ок. 216– ок. 276). **Манихейство** – самый влиятельный из дуалистических культов, объединяющий элементы христианства и халдейскоавилонских, персидских верований (зороастризм, маздеизм, парсизм) и опирающийся на предшествовавшие ему гностические учения. В основе манихейства лежит докетическая доктрина о призрачном теле Христа, громоздкая запутанная космогония с учением об изначальности зла, воззрение на материю, как на зло, а на человека – как на творение дьявола. Манихеи считали, что душа человека – частица пленённого материей света, поэтому цель жизни для них – освобождение света (души) из плена материи через самоотречение и аскезу. Культовая практика и их быт отличались суровым аскетизмом: отсутствие общественного богослужения, абсолютное половое воздержание, запрет на употребление вина и мяса, на уничтожение растений (запрещалось земледелие); кроме этого, не разрешались торговля, всякий труд, так как в нём есть элемент власти тьмы (материи); нельзя было иметь собственность. Это еретическое учение широко распространилось от Рима до Китая и просуществовало вплоть до VIII–XII вв., пережив максимальный расцвет в IV–V вв.; идеи его многократно возрождались в последующих религиях, течениях и ересях. Подвергалось гонениям со стороны христианства, зороастризма, ислама. Так, в 382 г. святой Феодосий I Великий (379–395) издал закон против манихеев, предписывающий смертную казнь и конфискацию имущества. Однако манихейские идеи оказались очень живучими – они сохранились в народных сектах Средневековья: у павликиан и мондракитов – в Армении, богомилов – в Болгарии, альбигойцев – в Западной Европе. На Западе манихейство просуществовало до VI в., а на Востоке, достигнув в VII в. Китая, было окончательно запрещено только в XIV в. В Уйгурском царстве в 763–840 гг. было государственной религией. На Востоке оно особенно распространилось среди согдийцев и в их колониях в Синыцзяне. (В рядах манихеев одно время был блаженный Августин (354–430)).

[80] **Святой Савва Освященный** (439–532) был родом каппадокиец, с восьми лет жил в монастыре под руководством преподобного Евфимия Великого (377–473), в 484 г. основал близ Иерусалима знаменитую Лавру; благодаря ему в 517 г. восторжествовало православное учение, несмотря на то, что монофизитству покровительствовал император Анастасий (491–518). Святой также составил устав, известный как Иерусалимский. «Освященным» преподобный назван потому, что был иеромонахом (в те времена редко кто из монахов и игуменов принимал священство). Святой Феодосий Киновиарх (423/424–529) родом был также из Каппадокии, основал в Палестине киновию, привлекающую множество подвижников (до 700 иноков, в то время как Лавра преподобного Саввы Освященного в период своего расцвета в V–VI вв. насчитывала не более 150 монахов). Киновия святого Феодосия стала впоследствии образцом

общежительного монашества. В XVI в. была разорена турками, но в конце XIX в. восстановлена. Монастырь находится к западу от Лавры преподобного Саввы.

[81] Речь идёт о защите в 2002 г. на богословском факультете ФУА двух откровенно промонофизитских диссертаций, в которых ересиархи-монофизиты патриархи Диоскор (444–451) и Севир (512–518) обеляются и объявляются православными.

[82] *Диоскор I Александрийский* (444–451) – преемник святителя Кирилла (412–444) по кафедре, преследовал родственников и сотрудников своего предшественника и на этой почве поссорился с Константинопольским патриархом святителем Флавианом I (446–449), оказывавшим поддержку гонимым. Был ярким защитником еретика Евтихия (412–444) и участником монофизитской смуты. Евтихий был осуждён за ересь на Константинопольском «домашнем» соборе 448 г. под председательством святителя Флавиана. Евтихианство родилось из крайностей александрийского воззрения, а Диоскор, как представитель Александрийской богословской школы, счёл нужным принять его под своё покровительство в борьбе с антиохийской христологией. Кроме того, имела место борьба за иерархическое первенство – константинопольские епископы, как столичные архиереи, благодаря близости к императорскому двору, имели большое влияние на церковные дела и первенство чести среди других епископов Востока. Александрийская Церковь, как более древняя, вправе была претендовать на такое же первенство – это проявлялось, например, в том, что Александрийский епископ Феофил (385–412) некогда осудил Константинопольского архиепископа святого Иоанна Златоуста (398–404), а святитель Кирилл (412–444) – Нестория (428–431). Поэтому некоторые александрийские епископы соперничали с царьградскими. Дело Евтихия для Диоскора представлялось удобным случаем для интриг против святителя Флавиана. Поэтому был созван II Ефесский «разбойничий» собор (449), на котором Диоскор был председателем. С помощью военных отрядов императора Феодосия II (408–450) и фанатичных монахов он стал чинить произвол и насилие в отношении епископов-диофизитов и добился смещения патриарха святителя Флавиана; Евтихий же был оправдан. Однако святитель Лев I (440–461) собрал в Риме собор, осудивший Диоскора и Евтихия и сам «разбойничий» собор. Между тем император умер (450) и престол занял Маркиан (450–457), женившийся на святой Пульхерии (398–453), сестре Феодосия. По распоряжению нового царя был созван IV Вселенский Собор (451), на котором «разбойничий» собор был осуждён, а Диоскор извергнут из сана. Мотивация его низложения была чисто дисциплинарная – против него не было выдвинуто обвинений в ереси, так как нравственное правило требовало, чтобы он мог иметь возможность оправдаться, а он на суд не явился, проигнорировав три вызова на собор. Но и одних канонических преступлений было достаточно для лишения его сана – за неправды и насилие, к которым он прибегал на «разбойничьем» соборе, Диоскор был низложен и сослан; умер он в ссылке в 464 г.

[83] В царствование императора Анастасия (491–518) одним из наиболее ревностных противников Халкидонского Собора был *Севир* (Север, Северий)

Антиохийский (512–518), основатель ереси **северианства**; основав собственный монастырь, был рукоположен в сан иерея монофизитским епископом Епифанием, изгнанным православными со своей кафедры. В годы притеснения майумских монахов-монофизитов со стороны иерусалимского патриарха Илии II (494–517) Севир и около двухсот его монахов перебрались в Константинополь, где собрали вокруг себя столичных монофизитов. Признавая вселенское значение собора «разбойничьего» (449), считая его председателя Диоскора (444–451) таким же учителем Церкви, как и святитель Кирилл Александрийский (412–444), Севир высказывал и другие еретические мнения. Учение Севира было в целом монофизитским, хотя и избегало крайних суждений монофизитства. Патриарх иерусалимский Иоанн III (517–524) проклял Севира; император Юстин I (518–527) лишил его епископской кафедры и отправил в ссылку. Несмотря на это, благодаря влиянию святой царицы Феодоры (500–548), он был участником поместного Константинопольского собора 536 г., где представлял монофизитов. На соборе против него были выдвинуты обвинения в ереси и, не смотря поддержку монофизитской оппозиции, Севир был осуждён и вместе с другими еретиками-монофизитами анафематствован. Вскоре, согласно императорскому указу, он вновь был отправлен в ссылку в Египет, где и скончался (543).

[84] *Преподобный Симеон Новый Богослов* (949–1037) с двадцати лет подвизался в Студийском монастыре под руководством старца – преподобного Симеона Благоговейного, затем был выбран игуменом обители святого Мамонта в Константинополе и рукоположен в сан пресвитера. Из-за особого почитания своего почившего старца был удалён из Царьграда и последние тринадцать лет жизни провёл в основанном им монастыре. Особую часть его творческого наследия составляют гимны – духовные стихи, в которых запечатлен личный опыт мистического общения с Богом. В «Добротолюбие» включены его «Главы деятельные и богословские». Святой Симеон считается основателем учения о небесном озарении души подвижников, которое впоследствии стало известно под названием *исихазма*. Церковь наименовала преподобного Новым Богословом, находя в его трудах сходство с сочинениями святителя Григория Богослова (381). Житие святого Симеона подробно описал его ученик – *преподобный Никита Стифат* (1005–1090).

[85] *Святитель Марк Евгеник* (1392/93–1444/45) – родился, получил образование, прожил большую часть жизни и скончался в Константинополе. Монашество принял в 1418 г. Накануне отъезда в Феррару в составе православной делегации для участия в Ферраро-Флорентийском соборе против воли был поставлен в митрополита Ефесского (1437). Изначально веря в возможность восстановления единства Церкви, он вскоре осознал безуспешность этого предприятия и всеми силами пытался предотвратить заключение позорной унии, ведущей к измене Православию. Во Флоренции он, единственный из иерархов, не подписал унии. По возвращении в Константинополь, святой продолжил борьбу с унией. Отказавшись от принятия патриаршества, он тайно покинул столицу и отправился в Ефес, находившийся под османами, чтобы поддержать свою паству. Не имея разрешение от турецких властей, он не мог здесь долго оставаться и поэтому

вскоре отправился на Афон. Однако по дороге туда, на о. Лемнос, по распоряжению императора святитель был арестован и заключен под стражу (1440–1442). После второй попытки попасть на Святую Гору он вернулся в Константинополь, где прожил последние два года своей жизни. (Евгеник – родовое имя святого Марка).

[86] *Преподобный Иоанн Лествичник*, Синайский (Синаит) (525– ок. 600) – монах-отшельник, в конце жизни – игумен монастыря на горе Синай. Автор замечательного духовного труда – аскетикодидактического трактата «Лествица, возводящая к небесам», за что и получил прозвание Лествичник. Это практическое руководство для ищущих спасения – в образе постепенного восхождения по лестнице, состоящей из тридцати ступеней, описывается борьба с пороками и страстями и рассказывается о добродетелях, возводящих к Богу; в ней опытно показывается, что для духовного совершенства необходимо, во-первых, очищение от греховной нечистоты ветхого человека; во-вторых, восстановление образа Божия. Цель этого творения – научить, что достижение спасения требует от человека немалого самоотвержения и усиленных подвигов.

[87] *Преподобный Никита Стифат*, или Пекторат (ок. 1005–1090), в четырнадцать лет ушёл в монастырь, затем был иеромонахом в Студийской обители Константинополя, позже стал игуменом этого монастыря; придворный писатель и сторонник *патриарха Михаила Керулария* (1043–1058) при разрыве его с Римом в 1054 г. Его трактат против латинян (с обличением опресноков, поста в субботу и безбрачия священников) имеет большое историческое значение. Составил комментарии на Псевдо-Дионисия.

[88] **Киновия** (греч. *общежитие*) – обитель, построенная на общежительных началах; одна из двух основных форм монашеской жизни, при которой монахи объединены в общину-обитель во главе с духовным наставником (настоятелем-игуменом), избираемым братией в лице собора старцев, и соблюдают определённый устав, регламентирующий распорядок дня, богослужение, питание, одежду и занятия братьев. Первые киновии учредил в Тавеннисе (Верхний Египет) *преподобный Пахомий Великий* (290/292–346), чем положил начало общежитию, дав инокам первый устав, по преданию, сообщенный ему ангелом. Вместе с уставом святителя Василия Великого (330–378), он лёг в основу киновиального строя православного монашества, являясь образцом для всех последующих типиков. Другой тип монашества – своекоштный, или особножительный (идиоритмия, или своежитие), когда каждый инок живёт в отдельной келье, сам заботится о пропитании, общих послушаний нет, нет и единообразия в одежде. Насельники ведут собственное хозяйство, владеют частной собственностью и распоряжаются ей по своему усмотрению. Общим в идиоритмических монастырях является только кладбище и богослужение, на которое монахи собираются только по праздникам и воскресеньям. Игумены при идиоритмии избираются голосованием, но только на один год; власть игуменов распространяется только на обустройство храмов и материальное обеспечение монахов, в остальном игумены считаются равными любому иноку. Разногласия в идиоритмах разрешаются на совете старцев. Вообще, уклад жизни в идиоритмических монастырях менее строг, чем в киновиях.

[89] *Преподобный Афанасий Парийский* (1721/22–1813) родом с острова Парос. Закончив Афонскую богословскую школу (Афониаду), был оставлен в ней преподавателем. Затем продолжал преподавательскую деятельность в нескольких учебных заведениях, пока в 1771 г. Константинопольский патриарх Феодосий II (1769–1773) не назначил его ректором Афониады. Тогда же он был рукоположен в сан священника. На Святой Горе преподобный Афанасий принял активное участие в движении колливадов за обновление и возрождение церковной жизни: как наследники исихастов XIV в., своей целью они ставили возвращение к святоотеческой традиции, а источником для них была традиция умного делания. За это через некоторое время он был изгнан с Афона. Однако благодаря авторитету в области образования ему было позволено преподавать. Позже патриарх Гавриил IV (1780–1784) попросил святого стать ректором константинопольской Патриаршей школы – самого авторитетного на то время греческого учебного заведения; тогда же ему было предложено епископство. От обоих предложений он отказался. На этот период приходится пик его писательской деятельности. Окончил жизнь преподобный Афанасий в монастыре святого Георгия Ревстона на своей родине. В 1994 г. он был причислен Элладской Церковью к лику святых.

[90] **Ферраро-Флорентийский собор** (1438–1439) – созван по инициативе императора Иоанна VII Палеолога (1425–1448) и папы Евгения IV (1431–1447) как попытка воссоединения католической и православной Церквей с целью сближения Византии и Запада перед лицом общей турецкой угрозы. Заседания собора для обсуждения унии были открыты в Ферраре 9 апреля 1438 г. На соборе присутствовал папа, кардиналы, латинские епископы, а также император, Константинопольский патриарх Иосиф II (1416–1439), уполномоченные от восточных патриархов и несколько греческих епископов, *митрополит Исидор Киевский* (позже принявший католичество и ставший кардиналом), Суздальский епископ Авраамий с 200 другими духовными и светскими лицами. Из западных государей никто не приехал. Из-за чумы в 1439 г. собор был перенесён во Флоренцию. Католики требовали от православных полного принятия латинского учения и административного подчинения Ватикану, допуская лишь некоторую самостоятельность в области богослужений и обрядов. Взамен папа обещал организовать Крестовый поход против турок, который пройдёт через Константинополь, взять на себя расходы по возвращению греческих делегатов, а также оказать военную помощь для защиты Царьграда. После долгих обсуждений, под давлением католиков, все пункты, представленные ими как условия для подписания унии, были приняты православной стороной – догмат *Filioque* и законность его прибавления в Символ веры, возможность совершать Евхаристию на неквасном хлебе, учение о чистилище, примат папы. 5 июня 1439 было подписано соборное определение, которое не подписал только *святитель Марк Ефесский* (1392/93–1444/45), но для папы это означало, что они ничего не добились. Возвратившись в Константинополь, царь в лице народа и простых клириков столкнулся с сильной оппозицией, объединившейся вокруг святого Марка. Патриархи Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский также были против унии.

Не получив от Запада обещанной помощи, к ней охладел и император. На Руси сторонников унии также не приняли.

[91] *Святитель Фотий I Великий* (ок. 820–891) – патриарх Константинопольский (858–867 и 877–886), самая крупная фигура Византии IX в. У него обучались наукам дети Василия I (867–886): Константин, наследник престола Лев VI Мудрый (886–912), Александр и Стефан; учеником святителя также был и будущий святой просветитель славян Кирилл († 869). Болгарский царь Борис был крещён, как полагают, самим святителем Фотием, который отправил туда архиепископа и священников для крещения болгарского народа (ок. 863/5). Став архипастырем, святой Фотий способствовал распространению влияния Византийской Церкви на славянские народы в Болгарии, Моравии и на Руси, что привело в 867 г. к конфликту с римским престолом и анафеме папе Николаю (858–867). При святителе Фотии произошло так называемое «Первое крещение Руси», возможно, самими святыми Кириллом и Мефодием († 885), когда князья Оскольд (Аскольд) и Дир со старейшинами и частью народа приняли крещение (ок. 860 г.), по всей вероятности, в Киеве. Вскоре после этого святитель послал на Русь митрополита Михаила и шесть епископов. В 857 г. соправитель царя Михаила (856–867), Варда, удалил со столичной кафедры неугодного ему патриарха Игнатия (847–858 и 867–877). Общепризнанная учёность святого Фотия, его родство со святителем Тарасием (784–806) и с царским домом посодействовали тому, что он был избран патриархом, за шесть дней пройдя все степени иерархической лестницы (подобно святителям Тарасию и Никифору (806–815)). Вскоре начались смуты, разжигаемые бывшим патриархом. Для их прекращения в 861 г. в Константинополе был созван собор, на котором был утверждён патриархом святитель Фотий и подтверждено низложение Игнатия. Папа Николай I (858–867), послы которого присутствовали на соборе, утверждая святого Фотия патриархом, надеялся подчинить его своей власти, но, не получив ожидаемого, на соборе в Риме (863) предал его анафеме. За незаконное восшествие на престол святитель Фотий обличил убийцу – Василия I Македонянина (867–886), не допустив его к приобщению Святых Таин, за что был удалён с кафедры и заключён в монастырь под стражу. На его место снова был поставлен Игнатий. Константинопольский собор (869), созванный для суда над святым Фотием, проходил при участии папских легатов. Не имея никаких оснований к осуждению, собор всё же анафематствовал святителя Фотия, сослав его на семь лет в монастырь. После смерти Игнатия († 877), незадолго перед тем примирившегося со святым, в 879 г. в Царьграде был созван новый Собор (многими отцами Церкви называемый VIII Вселенским), который восстановил патриарха Фотия на кафедре. Папа Иоанн VIII (872–882), не признав этого решения, вновь отлучил его от Церкви (881). При преемнике императора Василия, Льве VI (886–912) святитель Фотий вынужден был оставить кафедру в пользу шестнадцатилетнего брата императора, Стефана I (886–893). Вторично низложенный, он удалился в монастырь, где и скончался. Он известен как учёный богослов, оставивший многочисленные и разнообразные труды, посвящённые обличению заблуждений латинян, опровержению различных ересей, разъяснению Писания, раскрытию различных предметов веры. По

инициативе святого Фотия и при его непосредственном участии был составлен «Мириобиблион» (Библиотека) – комментарии к рукописям 279 древних авторов, имевшимся в столичной библиотеке, с обширными выписками из оригиналов памятников, – впоследствии совершенно или отчасти утерянных. Для облегчения чтения древних, особенно классических писателей, а также Писания, под редакцией Фотия был составлен «Словарь».

[92] **Consensus patrum** (лат.) – православный критерий истинности вероучения, известный как «*согласие отцов*» и заимствованный из западной богословской науки; применяется в отношении тех аспектов православного учения, которые не получили своих догматических определений на Вселенских Соборах. Consensus patrum по авторитету не ниже этих Соборов, ибо отцы, присутствующие на них, сами ссылаются и проверяют свои постановления по нему, начиная свои догматические определения словами: «Последуя Святым отцам», выражая тем своё убеждение, что верность им по духу есть основной признак православного богословия. По выражению преподобного Викентия Леринского († ок. 450), consensus patrum это то, «чему верили повсюду, всегда и все» (Commonitorium, 2). В отличие от *теологумена* (термин введён В.В. Болотовым (1853–1900) для обозначения так называемого частного богословского мнения, с которым вся Церковь может и не соглашаться), такое согласованное мнение Святых отцов принимается всей полнотой Церкви и является частью Священного Предания.

[93] Лемнос – вулканический остров в северной части Эгейского моря.

[94] **Митрофан II** (1440–1443) – первый после подписания унии с католиками Константинопольский патриарх-латинофил. После смерти патриарха Иосифа II (1416–1439) император Иоанн VIII (1425–1448) предложил это место сначала Антонию, митрополиту Ираклийскому, затем святителю Марку Ефесскому (1392/93–1444/45), но оба иерарха отказались, поскольку патриаршее служение, при сложившихся обстоятельствах, означало согласие с унией и её проведение в жизнь. Это достоинство принял митрополит Кизический Митрофан, уже глубокий старец. Хотя он и принадлежал к числу подписавших унию, но на Соборе во Флоренции Митрофан никогда не выделялся как её сторонник. Однако при нём произошла промульгация (торжественное обнародование) унии (1440). Вскоре он оставил престол. В 1443 г. три патриарха – Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский обнародовали соборное послание, в котором Митрофан был осуждён.

[95] **Григорий III Мелиссин (Мамми, или Мамма)** в молодые годы в качестве протосингела патриарха участвовал в деяниях Ферраро-Флорентийского собора, защищая необходимость принятия церковной унии и, в конце концов, способствовал её принятию. Был назначен Константинопольским патриархом (1443/5–1450). При последнем Византийском императоре Константине XII (1448–1453) на соборе в храме святой Софии в 1450 г. в присутствии трёх восточных патриархов Григорий, как униат, был низложен. После взятия Царьграда турками, он стал «латинским» патриархом Константинополя (с 1454). Умер в Риме (1459). В защиту унии он написал несколько сочинений: «Апология

против исповедания Марка Ефесского» и «Ответ на окружное послание того же Марка».

[96] **Схизма** (от греч. *расщепление, раскол, распря*) – термин, обозначающий раскол в Церкви.

[97] Речь идёт о Константинопольском патриархе Григории III (1443/5–1450), который, будучи протосингелом, присутствовал на Ферраро-Флорентийском соборе и вместе с другими подписывал унию с католиками. [Протосингел – помощник патриарха или епископа, в большинстве случаев, их преемник по кафедре.]

[98] То есть с теми, кто подписал в своё время унию.

[99] *Равноапостольный священномученик Косма Этолийский* (1714–1779; память 11/24 авг.) – один из духовных вождей Греции периода османского ига; родом из области Этолия (в центральной части Греции, к северу от Пелопоннеса); окончил Афонскую духовную школу, пострижен на Афоне в монастыре Филофей. Будучи рукоположен во пресвитера, вёл активную проповедническую деятельность, за что принял мученическую кончину. 20 апреля 1961 г. канонизирован Константинопольской Церковью.